

Изъ переписки А. Н. Краснова.

Письма А. Н. Краснова къ В. И. Вернадскому 1888 года.

I.

Berlin, 30 Mai.

Дорогой другъ, Владиміръ Ивановичъ. Напрасно ты укоряешь меня за то, что я не отвѣчаю тебѣ на твои письма. Я тебѣ написалъ ихъ въ Неаполь, по крайней мѣрѣ, три—*poste restante*,—т. к. адреса ты мнѣ не сообщилъ. Мнѣ же ты пишешь по невозможному адресу—*Breslau* и притомъ такая улица, какой не существуетъ, тогда какъ я уже третью недѣлю сижу въ Берлинѣ, гдѣ слушаю очень скверныя лекціи Рихтгофена. Удивляюсь, гдѣ ты нашелъ въ Германіи хорошую школу и что ты подъ этимъ словомъ разумѣешь. Заниматься здѣсь вездѣ хорошо и удобно, но школы нигдѣ нѣтъ и всѣ предоставлены самодѣятельности; мнѣ кажется даже, что лекціи читаются болѣе для проформы. Рихтгофенъ читаетъ, положительно, не готовясь, какое-то геологическое попурри, а т.-наз. коллоквиумъ или практическія работы въ семинаріи есть просто рефераты новыхъ работъ по географіи. Вообще Берлиномъ я недоволенъ, и послѣдняя надежда найти руководителя—это Герландъ въ Страсбургѣ. Туда я послѣ лѣтней экскурсіи на Эйфель и т. п. и направляюсь, если до той поры не удастся устроить поѣздку на Яву, о которой я теперь хлопочу. Мнѣ кажется, что, чтобы выработать изъ себя хорошаго географа, надо какъ можно больше, читать и какъ можно болѣе самому видѣть типичныхъ мѣстностей. Тропики я могу посѣтить или теперь, или никогда. Занявъ кафедру, помимо того, что я буду связанъ преподаваніемъ, я долженъ серьезно заняться общественной дѣятельностью на пользу погибающей Россіи. Слѣдовательно, тутъ уже не до Явы или Ріо. Тутъ или кипучая дѣятельность, или Сибирь.

Я очень радъ, что ты въ письмѣ своемъ вернулся къ вопросу, поднятому мною въ письмѣ, посланномъ въ Питеръ. Оно было написано сгоряча, какъ сгоряча было написано твое письмо.

гдѣ ты хотѣлъ навсегда отречься отъ Россіи. Но я теперь скажу, что мои воззрѣнія теперь сформировались и установились. Они сильно, насколько я тебя знаю, расходятся съ твоими и чтобы намъ столкнуться, нужно или много разговаривать лично или завести правильную переписку. Я уважаю русскихъ социалистовъ — уважаю за то, что это люди, которые не сочувствуютъ творящимся въ Россіи мерзостямъ, которые желаютъ блага народу и Руси, словомъ, которые побуждаются хорошимъ благороднымъ чувствомъ стремленія къ правдѣ и истинѣ. Я понимаю нашу молодежь и сочувствую ей, что она отзывчиво относится къ этому движенію, что ею руководить тоже стремление къ истинѣ и добру. Какъ бы она ни увлекалась, какія бы нелѣпыя формы ни принимало это движеніе, никогда я не позволю себѣ бросить въ него грязью, никогда я не стану врагомъ тѣхъ, которые увлеклись. Насколько я понимаю суть этого движенія, настолько я знаю людей и настолько ты долженъ знать меня, чтобы въ этомъ не сомнѣваться. Но самъ раздѣлять его, вѣрить въ то, во что вѣрятъ наши социалисты, я не могу; какъ не могу я вѣрить въ чудеса и мощи, такъ какъ это не позволяетъ наблюденіе и опытъ, такъ же точно не могу я вѣрить и увлеченіямъ социалистовъ.

Я порядкомъ поѣздилъ по Россіи, я больше твоего вращался въ народной массѣ, какъ русской, такъ инородческой и европейской. Я слишкомъ твердо убѣжденъ въ томъ, что только при извѣстномъ культурномъ, а главное индивидуальномъ развитіи и самосознаніи, возможно достиженіе тѣхъ идеаловъ, о которыхъ мечтаютъ социалисты. А слѣпая варварская орда, какъ ни пересаживай, какъ ни перестана вливай ея условія жизни и представителей, останется все тѣмъ же самымъ дилюнальнымъ или еще болѣе примитивнымъ царствомъ невѣжества, эксплуатаціи и грубости, въ которыя погрязли наши соотечественники. Толстые, Деляновы, Колупаевы и Разуваевы и пр., и пр. суть продукты этой стихіи, и пока существуетъ стихія, то будутъ существовать и они. Строй тутъ ничему не поможетъ. Въ это можетъ вѣрить только тотъ, кто озлобленъ, кто дѣйствуетъ нелѣпо, руководимый чувствомъ, а не знаніемъ, какъ всѣ славяне, и потому всегда бываетъ разбитъ разумомъ. Стихія и притомъ стихія столь испорченная, какъ народъ русскій (я разумѣю весь ensemble, а не однихъ крестьянъ, также нами идеализированныхъ), не создастъ сама никогда ничего. И въ болѣе культурныхъ государствахъ Европы она игрушка въ рукахъ тѣхъ, которые умѣютъ управлять этой стихіей. Задача людей,

любящихъ этотъ народъ, это свое отечество, по моему, состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть того, чтобы стихія эта управлялась тѣми, которые ее любятъ и которые знаютъ ее и понимаютъ что ей хорошо. Безразлично, по моему, кто будетъ управлять ею, этой массой, но я знаю одно, что если эту массу предоставить саму собою управляться, ею будутъ управлять тѣ, которые лучше понимаютъ ея слабости и играютъ на ея страстяхъ въ пользу личныхъ выгодъ. Это сама масса инстинктивно чувствуетъ...

Мнѣ лично, повторяю, совершенно безразлично, кто будетъ управлять Россіей. Моя задача, чтобы управленіе это было въ рукахъ людей, которые искренно желаютъ блага Россіи, любятъ и знаютъ ее, т. к. любовь безъ знанія любимаго предмета есть лишь зло. Независимо отъ формы правленія тогда только государство и народъ будутъ благоденствовать, когда государственная машина будетъ состоять изъ людей, честныхъ и любящихъ свое дѣло, преданныхъ ему. Повѣрь, если бѣ эти люди, согласившись между собой, энергично поддерживая другъ друга, шли бы этимъ путемъ, много зла было бы уничтожено. Если бы та сумма ума и энергіи, которая была потрачена на покушенія, была направлена въ этомъ направленіи, жилось бы гораздо лучше. Что мы все думаемъ о потомкахъ. Мнѣ кажется лучше, чтобы нашему поколѣнію жилось лучше, потомки сами о себѣ позаботятся. А что сдѣлали соціалисты? Своимъ страстнымъ, полнымъ незнаніемъ условій отношеніемъ къ дѣлу, они дали возможность болѣе хитрымъ и сквернымъ людямъ захватить въ свои руки власть, и творить теперь такія пакости, какія трудно было и вообразить, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже. И повѣрь, будетъ еще хуже, ибо слишкомъ много мерзкихъ необузданныхъ элементовъ есть въ нашемъ народѣ. Что же дѣлать? скажешь ты. По моему готовить людей, желающихъ блага Россіи, понимающихъ въ чемъ состоитъ народное благо и знающихъ этотъ народъ—людей, которые дружно и энергично поддерживая другъ друга, создали бы истинный строй, и, съ другой стороны, содѣйствовали возможно скорѣе поднятію умственного и нравственного уровня народа. Въ Россіи это можетъ сдѣлать энергичная горсть. Она это можетъ сдѣлать, не трогая народа, и совершенно безразлично при какомъ угодно образѣ правленія и строѣ. Вотъ мое убѣжденіе. Какъ слѣдуетъ дѣйствовать, укажу въ слѣдующемъ письмѣ. Отвѣчай скорѣе. Адр. мой: Berlin, Albrechtstr. 20.

Здѣсь въ Берлинѣ цѣлая министерская шайка молодыхъ людей, изучающихъ римское право и готовящихся занять различнѣйшія кафедры въ русскихъ университетахъ. Повидимому, все будущіе Владиславлевы. Вечеръ проведенный съ ними возбудилъ во мнѣ глубокое омерзѣніе. Боже, что же это будетъ. Единственный порядочный человѣкъ, котораго я до сихъ поръ здѣсь видѣлъ это Баронъ Толль, остзейскій нѣмецъ.

II.

Берлинъ, 1 іюня 1888.

Дорогой другъ, Владиміръ Ивановичъ. Теперь или никогда! Теперь или никогда можешь ты посѣтить чудный тропическій міръ, чтобы отдохнуть на лонѣ природы и, набравшись новыхъ силъ и впечатлѣній, вернуться освѣженнымъ въ наше несчастное отечество, чтобы посвятить себя работѣ на его благо. Послѣ ты—профессоръ,—ты общественный дѣятель. У тебя подрастетъ сынъ, будутъ, вѣроятно, и другіе. До того ли тебѣ будетъ пускаться въ дальнія плаванія, сопряженные съ расходомъ и рискомъ. Теперь у тебя только жена и младенецъ. Мушкетовъ и цѣлый рядъ мужей покидаютъ же ради научныхъ экспедицій на нѣсколько мѣсяцевъ своихъ женъ. Было бы излишней нѣжностью съ твоей стороны не слѣдовать ихъ примѣру. Послѣдуй моему совѣту, оставь жену у Сергѣя. Жизнь за границей, особенно при вашихъ скромныхъ потребностяхъ, такъ дешева, что ты на получаемыя тобою съ имѣнія деньги легко можешь ее устроить мѣсяцевъ на шесть въ Лондонѣ или Берлинѣ.

Самъ же составь мнѣ компанію и поѣзжай на Яву. Поѣздка, длящаяся 6 мѣсяцевъ, будетъ стоить около 2000... Какъ хорошо могли бы мы теперь путешествовать, дѣлиться впечатлѣніями, наблюдать совмѣстно. Какое бы прекрасное вышло раздѣленіе труда. Какую полную картину тропическаго міра вынесемъ мы съ тобою. Яву, Борнео, Кракатау, подумай только, какая чудная перспектива. По пути мы бы съ тобой выяснили всѣ наши недоразумѣнія и спорные вопросы. Притомъ рассчитай, путешествовать совмѣстно дешевле: комната, слуга, все это стоитъ полцѣны. Кромѣ того, голландцы и туземцы не то, что нѣмцы или итальянцы, и повѣрь, пріятнѣе путешествовать съ землякомъ. Право, не откладывай въ долгій ящикъ своихъ тропиковъ. Повѣрь, не полна жизнь того человѣка, который не видѣлъ этого чуднаго міра. Вмѣстѣ съ тобой потомъ издали бы мы книгу подъ заглавіемъ: «Путешествіе двухъ русскихъ натуралистовъ по Большимъ и Малымъ Зондскимъ Остро-

вамъ», гдѣ изложили бы наши мысли, наблюденія и впечатлѣнія.

Европа отъ тебя никогда не уйдетъ. Всегда, взявъ отпускъ, ты можешь сюда съѣздить. Тропики же могутъ улыбнуться навѣки. Лови же ихъ пока не поздно. Помни, пора намъ вступить на службу на благо Россіи. Хотя на дняхъ ты былъ готовъ отъ нея отречься, но я этому не вѣрилъ и не вѣрю. Я знаю, что ты ее любишь, хотя, быть можетъ, не такъ понимаешь ея благо, какъ я. Нашъ долгъ посвятить себя ей. Ну, а пока судьба насъ кинула за границу, пользуйся минутой и лови, лови то, что можетъ ускользнуть изъ рукъ. Итакъ, мы ѣдемъ.

Жду отвѣта, чтобы точнѣе сговориться относительно плана дѣйствій и мѣста свиданія. Твой другъ А. Красновъ.

III.

Дорогой В. И., перечитывалъ еще разъ твое письмо и все болѣе и болѣе съ нимъ не соглашаюсь. Мнѣ кажется, ты имѣешь весьма неясное представленіе о географіи и если бы ты началъ читать курсъ этой науки, то на дѣлѣ у тебя вышло бы попури изъ двухъ факультетовъ: естественнаго и филологическаго. Чтобы разъ навсегда поставить нашу переписку на правильную почву, я позволю себѣ изложить мой взглядъ на географію и ея преподаваніе. Если этотъ взглядъ ложный, то, мнѣ кажется, лучше теперь же, пока не поздно, отказаться отъ географіи и заняться ботаникой, хотя, признаюсь, познакомившись съ нѣмецкими профессорами, я почувствовалъ къ этой наукѣ глубокое отвращеніе. Я представляю себѣ занятія географіей такъ: 1) *Лекціи*. Онѣ необходимы. Распадется мой курсъ на три части: *Erdkunde*, *Länderkunde Eurasiens*, *Länderkunde* остальныхъ пяти частей свѣта.

Характеръ лекцій: 1) *Erdkunde*. Я понимаю географію, какъ описаніе явленій жизни земного шара въ данную эпоху его развитія, и объясненіе этихъ явленій. Чтобы ихъ научно описать, надо знаніе физики и естественныхъ наукъ и геологіи. Задача лектора поставить въ связь выводы астрономіи, астрофизики, геологіи, касающіеся земнаго шара, вывести изъ нихъ, какъ слѣдствіе, современные климаты, распредѣленіе явленій динамической геологіи, почвъ, растений и животныхъ и человѣческихъ племенъ. Это курсъ *Erdkunde*, чтеніе этого курса необходимо и должно происходить съ возможно большимъ числомъ демонстрацій. Должны показываться типичныя животныя и растенія (т. к. ихъ не покажутъ, именно, ни зоологіи,

ни ботаники), фотографіи съ объясненіями, модели и т. п. Явленія вулканизма не мѣшаетъ даже демонстрировать. Я не знаю до сихъ поръ ни одного учебника, гдѣ бы было все перечисленное поставлено въ надлежащую связь. Это задача лектора. Это высшая философія. Тутъ должны излагаться и теоріи, и гипотезы, и факты, говорящіе за и противъ нихъ. Лекціи должны быть увлекательны, заинтересовывать слушателей. Детали не необходимы, онѣ не удержатся все равно въ памяти, но профессоръ долженъ вліять на слушателей такъ, чтобы они читали возможно болѣе параллельно. При географическомъ кабинетѣ должна быть бібліотека, и профессоръ долженъ вліять, чтобы она читалась. Тутъ въ деталяхъ знакомятся ученики съ физической геологіей, гео-ботаникой, климатологіей, антропогеографіей и т. п.

Вся сила знанія нѣмцевъ состоитъ въ томъ, что они сами читаютъ, сами работаютъ, а у насъ только зубрятъ лекціи и учебники обязательнаго курса.

2) *Länderkunde* есть детальное *Erdkunde*. Разсматриваются материка, стараются указать особенности очертанія формы и природы различныхъ ихъ частей и объяснить явленія природы различныхъ странъ исторіей (геологіей) материковъ и современнымъ распредѣленіемъ физическихъ факторовъ, къ которому слушатели подготовились изученіемъ *Erdkunde*. Разбирается исторія образованія территорій той или другой страны, исторія образованія ея растительнаго, почвеннаго и животнаго покрова. Въ заключеніе дается картина жизни различныхъ формаций, иллюстрируется фотографіями и коллекціями. Въ фокусъ всей этой картины стоитъ человѣкъ. Его образъ жизни, его умственное и нравственное развитіе должно быть поставлено въ связь съ характеромъ страны, и исторіей образованія того человѣческаго общества, гдѣ разсматриваемое племя живетъ. Въ заключеніе обрисовывается, возможно рельефнѣе, жизнь описываемаго государства, народа или племени, поставленнаго, по возможности, въ связь съ его исторіей и природой страны. Евразія, какъ страна, гдѣ лежитъ наше отечество, разбирается возможно подробнѣе, Африка, Америка и Австралія описываются по сравненію съ болѣе доступной Евразіей. Конечно, желательно и ихъ изложить подробнѣе. Но надо помнить, что курсъ всего 4-годинный, и тутъ задача лектора поставить всѣ явленія въ связь, воспользоваться выводами исторіи, геологіи, ботаники и т. п. Необходимо ярко обрисовать природу, завлечь слушателя и направить его на бібліотеку соотвѣтствующихъ книгъ и пособій

3) Colloquium долженъ начинаться лишь съ третьяго курса и быть двухгодичный. Личность профессора здѣсь должна стусевываться. Это собраніе товарищей, интересующихся предметомъ. Colloquium долженъ быть двоякаго рода: студенты дѣлають рефераты о той или другой вновь вышедшей книгѣ, слушатели дѣлають возраженія, спсрять и т. д. Профессоръ, какъ лицо болѣе начитанное и опытное, дѣлаеть наравнѣ съ прочими свои замѣченія, которыя извѣстнымъ образомъ направляютъ споръ. Понятно, что бесѣды эти будутъ имѣть пользу при полной прстотѣ и равноправности отношеній; въ бесѣдѣ не должно быть и слѣда официальности. Чайный столъ—лучшее мѣсто для такихъ бесѣдъ.

На четвертомъ курсѣ colloquium принимаетъ другой оттѣнокъ. Студенты пробуютъ свои силы. Профессоръ избираеть ему самому хорошо извѣстную губернію. Зима посвящается тому, чтобы въ colloquium'ѣ студенты ознакомились съ литературой о ней. Этимъ путемъ ученики узнають точнымъ образомъ, гдѣ и какъ доставать и какъ пользоваться матеріаломъ для изученія своего отечества. По окончаніи серіи colloquium дѣлаются экскурсіи. Спеціалисты по своимъ отраслямъ дѣлають наблюденія. Профессоръ даеть только тонъ, указываетъ на типичныя мѣста, на имѣющіе значеніе для географіи пункты, даеть наставленія въ смыслѣ Führer Richthofen'a, по даннымъ собственнаго опыта. Студенты наблюдаютъ то, что ихъ болѣе интересуетъ, но каждый уже знаетъ, что будетъ интересно и ново для другого. Они учатся наблюдать разносторонне, дѣлая свое собственное дѣло. Результаты наблюденій реферируются въ концѣ. Это составляетъ цѣнный вкладъ въ науку.

Ученики научаются, руководясь общей, болѣе широкой идеей, наблюдать и изучать свое отечество. Потомъ заброшенный въ глуши провинціальный учитель будетъ знать, что ему дѣлать съ его вынесенными изъ университета знаніями ботаники и зоологіи, что интереснаго для него и для науки дасть тотъ уѣздъ, куда забросила его судьба. Онъ будетъ знать, какъ и что наблюдать ему, будетъ умѣть сообщить ученикамъ новое объ окружающемъ его мірѣ.

Наше поколѣніе этому не учили. Я, ты, еще два-три человѣка — счастливыя исключенія — да и то до многоаго дошли самоучкою. Наша задача — сдѣлать наши наслажденія доступными всѣмъ нашимъ ученикамъ, положить начало частнымъ школамъ изученія родины. Ибо любить можно только то, что знаешь, и только съ пониманіемъ можно принести пользу. Всѣ

мы смертны. Человѣкъ живетъ среднимъ числомъ 60—70 лѣтъ. Обезсмертить себя онъ можетъ лишь великими дѣлами. Дѣла эти могутъ дѣлать единицы изъ милліоновъ. Остальные умираютъ безслѣдно. Къ чему они живутъ? — Отвѣтъ одинъ: они живутъ, чтобы наслаждаться жизнью, какъ и все живущее. Но отличіе человѣка отъ животнаго то, что кромѣ физическихъ наслажденій онъ можетъ имѣть нравственныя (любовь къ ближнему) и умственныя. Только тотъ, кто пользуется всѣми тремя, живетъ дѣйствительно. Чѣмъ больше людей будетъ въ состояніи такъ жить, тѣмъ болѣе счастья на землѣ. Задача профессора—дать возможно большому числу людей возможность жить такимъ образомъ. Географія—есть философія естествознанія. Она одна открываетъ новые горизонты, которые часто затемняются въ чисто систематическихъ наукахъ, нерѣдко въ рукахъ неумѣлаго профессора, превращающихся или въ ремесло, или въ отвратительный грубелизмъ.

Такъ я понимаю мою задачу. Если по твоему она не исполнима, лучше бросить ее скорѣе, какъ утопію, и обратиться на болѣе скромное поприще. Напиши, когда свидимся и свое мнѣніе. Твой А. Красновъ.

Берлинъ, Albrechtstrasse 20.

P.S. Написалъ много, а не сказалъ главнаго. Ты видишь, слѣдовательно, что профессоръ географіи долженъ видѣть, какъ можно больше и какъ можно болѣе читать. Первое онъ долженъ дѣлать, пока молодъ и впечатлителенъ. Второе ему покажетъ практика. Docendo discimus. Чтобы быть начитаннымъ географомъ, мало жизни человѣка. Гдѣ и кто это укажетъ мнѣ, что мнѣ читать по географіи? Пэнкъ? знающій, какъ показала его Geographie Deutschlands, одну геологію. Рихтгофенъ, бесѣдующій лишь за пивомъ? Кто же? Не правъ ли я, выбирая самъ для своей цѣли книги, справляясь у специалистовъ? Не правъ ли я, что, поживя во Франціи до конца зимы (повидавшись съ Реклю, пожалуй, поработавъ въ Антропологическомъ Институтѣ), отправлюсь на Яву и въ Японію, куда я потомъ никогда не попаду? Да, наконецъ, если и можно будетъ выскочить изъ Казани, лучше съѣздить будетъ въ Америку. Тогда и Старый и Новый Свѣтъ будутъ знакомы. Откладывать же дѣло въ долгій ящикъ, пока не будетъ 5 человѣкъ дѣтей, — непрактично. На Явѣ есть библіотека, ея вулканы изслѣдованы. Чѣмъ она хуже для изученія, чѣмъ Этна? Чѣмъ Лондонъ интереснѣе Іокогамы?

IV.

Дорогой Вл. И. Письмо твое для меня все-таки не вполне убедительно. Я сторонникъ того принципа, что не надо откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня, и совершенно не понимаю, какъ провинціальный профессоръ, предавшійся своему дѣлу, можетъ выбраться откуда-нибудь изъ Казани на Яву, въ Рио-Жанейро или Японію. Попасть въ центральную Азію еще возможно, точно такъ же, какъ возможно въ случаѣ необыкновеннаго счастья попасть въ Соединенные Штаты. Но подѣ тропики изъ Россіи, не жертвуя своими деньгами (которыхъ нѣтъ) или массою времени, — совершенно невозможно. Я заранѣе предсказываю тебѣ, что ты, при твоёмъ образѣ дѣйствій, тропиковъ никогда не увидишь. Ты говоришь, что важнѣе видѣть молодымъ человѣкомъ Европу, нежели тропики. Опять не согласенъ. И тамъ въ еще большей степени нужна впечатлительность, гибкость натуры и выносливость, которой лѣтъ въ 35 или 40 уже не будетъ. Вотъ почему я остаюсь при моемъ убѣжденіи, что необходимо теперь пользоваться случаемъ посмотрѣть тропическій міръ. Затѣмъ, я нахожу, что ты смѣшиваешь антропологию съ географіей, что, какъ показалъ еще Герландъ,—неправильно. Методы антропологии географу не нужны, какъ не нужны ему методы физиолога или систематика растений. Ботаника, зоологія, петрографія и антропологи́я суть самостоятельныя науки; географъ пользуется ихъ выводами, сопоставляетъ ихъ данныя, но быть специалистомъ во всѣхъ этихъ наукахъ онъ не можетъ. Географу должны быть знакомы выводы сравнительной филологии, но неужели же онъ долженъ уметь говорить по-китайски? Тоже и съ антропологіей. Ты скажешь, что для того, чтобы судить объ антропологии, надо знать ея методы. Да, имѣть объ нихъ понятіе, но не учить имъ. Я знаю настолько геологию, чтобы понимать нужныя мнѣ, какъ географу, книги, но я не позволю себѣ учить студентовъ опредѣлять раковины или формации. Учить опредѣлять разновидности растений не входитъ въ задачу географа. Я буду изучать антропологию для себя. Я готовъ пробыть семестръ въ Парижѣ. Я бы уѣхалъ туда изъ Берлина немедленно, если бы имѣлъ нужныя для этого деньги. Къ сожалѣнію, я долженъ ждать до 15 іюля (1 іюня старого стиля), пока мнѣ вышлетъ министерство мое содержаніе; тогда я переѣду въ Парижъ и останусь тамъ до декабря. Я проживу въ типичной свободной странѣ и получу о ней понятіе. Что же касается до Англіи, то меня туда не

тянетъ. Лучше посмотрѣть тропики, нежели видѣть двѣ сходныя европейскія страны. Видѣвъ одинъ типъ, я могу представить другой, въ крайности въ Англію я могу попасть позже. Мнѣ потомъ легче будетъ разобраться въ ея жизни, нежели въ жизни тропической области. Ботаническій садъ предлагаетъ мнѣ проѣхать съ Явы въ Японію, и мнѣ кажется, что для русскаго гораздо интереснѣе посѣтить эту страну, гдѣ, какъ у насъ, европеизмъ борется съ азіатчиною, нежели знакомиться съ черезчуръ далекимъ отъ насъ идеаломъ Англіи. Со взглядомъ твоимъ на преподаваніе географіи я вполне согласенъ, хотя считаю направляющія лекціи нелишними. Онѣ должны возбуждать въ студентѣ охоту къ чтенію, а направлять чтеніе есть дѣло профессора. Очень хотѣлось бы съѣхаться съ тобой у жены и столковаться хорошенько. Сдѣлали бы экскурсію по Арденнамъ или на Эйфель. Эти области особенно сильно меня интересуютъ. За литературу о религіяхъ—благодарю. Напрасно ты такъ критикуешь мой образъ дѣйствій. Я, во-первыхъ, не социаль, а физико-географъ. Я въ данную минуту хлопочу всего болѣе о томъ, чтобы дать себѣ возможно лучшую подготовку въ области физической географіи,—это мой базисъ. Соціальная сторона дѣла пріобрѣтается чтеніемъ книгъ, что не уйдетъ, и наблюденіемъ жизни, что я дѣлаю, хотя долженъ сознаться, что Германія для этой цѣли весьма неудобна. Ужасно хотѣлось бы свидѣться и переговорить съ тобою. Лучшее мѣсто — Вильдунгенъ въ іюлѣ. Пиши чаще. Адресъ мой: Берлинъ, Albrechtstr. 20.

V.

Дорогой Вл. И. Несмотря на самое горячее желаніе мое свидѣться съ тобою какъ можно скорѣе и переговорить о массѣ вещей, которыя я считаю необходимымъ теперь выяснитъ другъ другу, я не могу на этихъ дняхъ пріѣхать въ Вильдунгенъ по той простой причинѣ, что у меня всего 10 марокъ и ранѣе какъ черезъ недѣлю я не разсчитываю изъ Питера получить деньги. Какъ только получу деньги, такъ постараюсь устроить свиданіе. Кромѣ того, если въ Дофинэ можно будетъ хорошо изучить технику и видѣть любопытные случаи, я вмѣсто Арденнъ охотно присоединился бы къ тебѣ, и если не имѣешь ничего противъ, проводилъ бы тебя черезъ Парижъ въ Англію. Пока, впрочемъ, ничего опредѣленнаго не могу сказать. Все выяснится къ 15 іюля. Я съ тобой вполне согласенъ, что въ письмахъ ужасно трудно выяснитъ свои взгляды и задачи. Поэтому я всегда былъ противъ писемъ, и, какъ тебѣ извѣстно, всегда

пишу ихъ съ большой неохотой и лишь въ крайности. Скажу только поэтому, что я очень радъ, что мы сталкиваемся относительно географіи, и замѣчу тебѣ, что для меня германскіе университеты, т. е. лекціи, а не университеты, *abschreckendes Beispiel*, и я далекъ отъ мысли переносить ихъ преподаваніе къ намъ. У меня постепенно вырабатывается свой взглядъ и свой планъ, но онъ, конечно, еще не готовъ. Я теперь сообразно съ этимъ планомъ стараюсь подбирать себѣ литературу. Ты, повидимому, не понялъ, что я разумѣю подъ *Länderkunde*. Тутъ рѣчь идетъ не объ государствахъ, не о материкахъ. Описаніе природы и жизни материка, жизнь и исторія его рѣчныхъ бассейновъ, разселеніе его организмовъ—есть безусловно предметъ физической географіи. *Erdkunde* это геофизика, *Länderkunde* для материковъ, своего рода океанографія для морей. Ну, чувствую, что опять говорю нелѣпо. При свиданіи надѣюсь изложить свой взглядъ лучше, такъ какъ онъ у меня составилъ довольно опредѣленный.

Отъ французскихъ университетовъ много не жду. Не даромъ всѣ ѣдутъ въ Германію, а не во Францію. Мнѣ очень жаль, что я не могу конецъ лѣта или осень работать во Франціи. Развѣ тамъ нѣмецкое распредѣленіе времени. Въ Англію я, между прочимъ, потому боюсь ѣхать, что очень плохо знаю языкъ, а знакомыхъ тамъ нѣтъ никого.

Поѣздка на Яву, кажется, помимо моей воли разстраивается, и это жаль, хотя я все-таки остаюсь при томъ убѣжденіи, что, если я теперь не увижу тропиковъ, я очень много потеряю, такъ какъ: 1) я не вижу возможности попасть туда позже, 2) если бы такая возможность и оказалась, то лучше бы было ее употребить на Америку. Это полезнѣе и для географіи, и для Россіи. Теперь въ Америку я ѣхать не могу, такъ какъ для изученія ея въ направленіи нужномъ Россіи я не могу, не подготовленъ. На Явѣ же есть всѣ пособія для изученія и тропической природы и классической области вулкановъ. Кланяйся Н. Г. Пиши скорѣе. Остаюсь любящій тебя другъ А. К.

VI.

Отвѣчай немедленно въ Берлинъ. Съ 1 іюля я буду въ Halle, куда пиши *poste rest*. Дорогой Вл. И. Если бы я представлялъ себѣ географію такъ, какъ ты ее обрисовалъ въ своемъ письмѣ, то я никогда не вздумалъ бы бросать ботанику и заниматься этой наукой, такъ какъ она сплошь по твоей программѣ

состоить изъ тѣхъ отраслей знанія, которыя для меня terra incognita и которыя въ теченіе года изучить для преподаванія невозможно. Если бы еще не позже, какъ вчера, я не перечитывалъ мнѣнія Географическаго общества и министерства, я, конечно, вмѣсто того, чтобы жариться въ библіотекѣ, пошелъ бы къ ботанику Кни и сталъ бы заниматься водорослями. Однако, задачи географической кафедры совершенно инныя, и той географіи, о которой говоришь ты, никто, нигдѣ не читаетъ—ее надо создать, выдумать, а для этого года мало. Вся программа министерства, всѣ нѣмецкіе курсы понимаютъ географію совершенно иначе, чѣмъ ты. Также понимаютъ ее и наши профессора. Мнѣ жаль, что приходится говорить письменно, такъ какъ я не могу на двухъ страничкахъ ясно выразить мысль. Отвѣчу по пунктамъ:

1) Физическая географія существуетъ у насъ въ двухъ университетахъ; въ другихъ ея нѣтъ, тамъ, гдѣ она существуетъ, она сводится лишь на климатологію и океанографію;

2) Динамическая геологія и геофизика далеко не тоже самое;

3) Главная задача географіи дать читателю связь между исторіей земного шара и явленіями жизни, теперь на немъ совершающимися. Этого не дастъ, да при современномъ направленіи не имѣютъ времени дать ни геологъ, ни метеорологъ. Зоо-, фито- и антропогеографія не могутъ излагаться безъ связи съ исторіею земной коры и климатологіи, при чемъ для географа, какъ въ геологіи, такъ и въ климатологіи, важно совсѣмъ не то, на что обыкновенно напираютъ геологъ и климатологъ. Такія науки, какъ распредѣленіе суши и моря, видъ земнаго шара въ древнія эпохи, географія ледниковыхъ явленій излагаются геологически слишкомъ кратко для географа; ботаники и зоологи не только въ лекціяхъ, но и въ самостоятельныхъ работахъ поражаютъ такимъ невѣжествомъ въ новѣйшей геологіи, что они не въ силахъ преподавать студенту знанія рачіонально фито- и зоогеографіи.

Я понимаю географію совершенно иначе, чѣмъ ты. Я теперь всѣ силы свои употребляю на основательное изученіе геологіи, и если такъ можно выразиться, эволюціи земной коры *Antlitz der Erde* Зюсса, *Vergletscherung* Penk'a, *Geogr. Deutschland's* его же, типъ тѣхъ сочиненій, которыя я читаю. Программа лекцій Кирхгофа, вотъ мой планъ, который я считаю нужнымъ значительно расширить. Четыре года—срокъ, установленный министерствомъ, съ этимъ срокомъ надо считаться.

Если будетъ кафедра одна, не думаю, чтобъ на антропологическія части оставалось много времени. У тебя человѣкъ играетъ слишкомъ много времени. Мнѣ же кажется выяснитъ развитіе страны и ея природу не менѣе важно. Человѣкъ же есть слѣдствіе этой природы. Впрочемъ, это не ясно и объ этомъ я напишу послѣ подробнѣе. Если кафедры двѣ, что врядъ ли будетъ въ провинціи, я, конечно, беру на себя физическую географію въ широкомъ смыслѣ, оставляя историческія части другимъ.

Задача географа-профессора готовить:

- 1) Учителей географіи;
- 2) Forschungsreisende;
- 3) Дать географическія свѣдѣнія вообще студентамъ натуро-философіи.

Для кого нуженъ общій курсъ? Чтеніе лекцій въ родѣ географіи Альпъ Рихтгофена, по моему, въ русскихъ университетахъ вредъ. Для этого есть книги. Если эти лекціи и можно читать, то какъ частныя лекціи приватъ-доцента, но не въ курсѣ.

Я готовлю изъ себя физико-географа въ твоёмъ смыслѣ слова. Человѣкъ входитъ въ мою программу только какъ объектъ физическихъ силъ. Я стараюсь ближе знакомиться съ отдѣлами физической географіи, которую я знаю и которую я могу развивать для университетскаго преподаванія.

Для меня человѣкъ составляетъ маленькій отдѣлъ антропо-географіи, гдѣ при *Länderkunde* у меня должно излагаться вліяніе на бытъ, строй жизни и развитіе религіи, общества и густоты населенія внѣшнихъ условій страны, физическіе элементы которыхъ разобраны. Эти вопросы должны излагаться въ связи съ физической географіей, такъ какъ они тѣсно съ ней связаны и безъ нея не ясны, ихъ не долженъ читать другой профессоръ. Эта физическая этнографія должна составлять часть физической географіи. Твой же профессоръ есть географъ человѣческихъ обществъ, ему для этого только нужны элементы физической географіи, базисъ его знанія антропологія, статистика, социологія, филологія, даже исторія литературы, *Welthandel*, пути сообщенія и т. п. Для геофизики все это не важно. Пусть это и читаетъ тотъ профессоръ антропо-социологіи, который, по твоему, долженъ занять 2-ую кафедру. Я на эту кафедру не бью. Я хочу читать въ Казани, гдѣ насколько знаю, нѣтъ физической географіи, и гдѣ я займу эту 1-ую кафедру. 2-ая пусть остается свободной. Я могу себя подготовить изъ антропо-географіи и

этнографіи, насколько это нужно для физико-географа. Но для занятія 2-ой кафедрѣ у меня нѣтъ ни времени, ни силъ, ни желанія. Въ годъ, какъ бы я ни работалъ, я ничего не сдѣлаю кромѣ сумбура въ головѣ во вредъ себѣ и другимъ. Чтеніе такихъ лекцій было бы поступкомъ крайне недобросовѣстнымъ съ моей стороны. Все это хотѣлось бы разъяснить при свиданіи. Ты, живя въ странѣ точныхъ нѣмцевъ, даешь ужасно странныя опредѣленія. Что значитъ Петра и Павла? Когда это? Кто здѣсь знаетъ этотъ день? Я первый его не знаю. Опредѣли число. На будущей недѣлѣ я переѣзжаю въ Галле къ Кирхофу. Туда или въ Cottbus проѣдетъ Храповицкій. Если хочешь, пріѣзжай по дорогѣ къ женѣ въ Галле. Если нѣтъ, то напиши, и я пріѣду изъ Галле къ вамъ въ Willdungen. Ранѣе 1 іюля я не могу выѣхать изъ Берлина, такъ какъ на 1 іюля новаго стиля получу лишь деньги.

Ты видишь, что при томъ направленіи, которое я даю моей кафедрѣ, мнѣ гораздо важнѣе Ява—классическая страна вулкановъ и Японія—типъ совершенно особенно вырабатывавшагося государства, чѣмъ шатаніе по государствамъ запада, шатаніе, по моему безцѣльное, такъ какъ я убѣдился, чтобы учиться, надо сидѣть на мѣстѣ. Только въ годъ развѣ изучишь ты жизнь такого города, какъ Лондонъ. А схватывать верхушки—принципъ нашихъ западниковъ, я нахожу крайне вреднымъ. Не познакомившись со всѣми причинами, вызывающими явленіе, говорить о возможности перенесенія его къ намъ—крайне вредно. Англія и Франція по условіямъ жизни безконечно далеки отъ насъ. Подражая имъ, мы только создадимъ очень скверную карикатуру. Всѣ тебя такъ интересующія движенія у насъ немислимы, или мыслимы какъ буря въ стаканѣ воды. Мы страны иного типа. Для меня, какъ для физико-географа, важнѣе видѣть явленія жизни земного шара, чѣмъ государства, имѣющія лишь временное значеніе.

Пройдетъ еще нѣсколько столѣтій и быть можетъ тѣ же англичане будутъ подражать Японіи или Китаю. Я считаю изученіе Россіи важнѣе. Но чтобы создать твою кафедру отечествовѣдѣнія, надо сперва изучить и изслѣдовать Россію. Впрочемъ, я сказалъ свое направленіе. Напиши немедленно свое рѣшеніе о Галле и Вильдунгенѣ. Берлинъ. Albrechtstr. 20.

VII.

Дорогой Вл. И. Твое упорное молчаніе на оба мои письма, адресованныя въ Мюнхенъ, меня очень тревожитъ и огорчаетъ.

Мнѣ кажется, можно не соглашаться другъ съ другомъ во взглядахъ на различныя вещи—но я всегда былъ далекъ отъ той мысли, чтобы и ты былъ настолько проникнутъ фанатизмомъ, чтобы говорить, кто не со мной, тотъ противъ меня. Ты знаешь, это далеко не въ моемъ характерѣ принадлежать къ какому-нибудь флагу, къ какой-либо партіи. Всякая партія есть крайность—всегда положенія ея содержатъ извѣстную долю увлеченія, страсти, а, слѣдовательно, и заблужденія. Вѣдь, смѣю же, наконецъ, я «свое сужденіе имѣть». Вѣрь мнѣ, всегда я горячо любилъ Россію и вѣрилъ въ ея будущность—и теперь я люблю ее, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Но разница между мной и тобой та, что я всегда изучаю и стремлюсь изучать людей, ты же изучаешь общество. Кто изъ насъ правѣе: ты или я, покажетъ будущее. Не думай, я также слѣжу за социальными движеніями, но прости—всѣ эти здѣсь издающіяся «свободы» и т. п. производятъ на меня впечатлѣніе совершенно такое же, какъ «Русскій Вѣстникъ» и т. п. консервативные журналы. Это два озлобленныхъ увлекающихся лагеря, а гдѣ увлеченіе, тамъ нѣтъ правды, нѣтъ истинной, холодной оцѣнки фактовъ. Я глубоко убѣжденъ, что мерзавцы, ташкенцы и т. п. категоріи людей, съ которыми меня судьба многократно сталкивала, всегда были и будутъ существовать, они долго еще будутъ господствовать въ Россіи, такъ какъ на ихъ сторонѣ двѣ вещи—опытность, знаніе людей и энергія.

Если во время благородныхъ порывовъ нашей молодежи было много энергіи и ни для чего ненужнаго самопожертвованія, то не было другаго — опытности и знанія людей. Это дается не такъ скоро и не такъ легко и на университетской скамьѣ его получить почти невозможно. Нужно слишкомъ много различныхъ случаевъ въ жизни, слишкомъ много анализовъ поступковъ, чтобы достигнуть этого. Человѣкъ увлекающійся, человѣкъ идеи, погруженный въ книги, вращающійся по большей части въ обществѣ единомышленниковъ, имѣть его не можетъ. Вотъ почему я тебѣ повторяю, я сочувствовалъ и теперь еще сочувствую всѣмъ порывамъ молодежи, но прежде, будучи студентомъ, я лишь смутно сознавалъ ихъ неправильность, невольно поддавался общему стадному увлеченію; возмутительные факты, всюду совершающіеся, невольно заставляли плыть по этому теченію. Но теперь, когда у меня знанія людей больше, когда я въ Бреславлѣ въ уединеніи могъ подвергнуть анализу видѣнные мной факты, сопоставить ихъ съ идеями, я вижу, какъ безконечно фантастичны увлеченія молодежи, и теперь споры о строѣ

Проф. А. Н. Красновъ вмѣстѣ съ редакціей и ближайшими сотрудниками „Южнаго Края“.

государства мнѣ кажутся подобными спорамъ религіозныхъ сектъ среднихъ вѣковъ, спорамъ, гдѣ падало столько жертвъ, тратилось столько энергіи и силъ. Люди составляютъ государство и общество, отъ людей зависитъ его благосостояніе и сила, и задача моей жизни и всей моей будущности двоякого рода. Воспитывать или содѣйствовать воспитанію возможно большаго количества умственно и нравственно развитыхъ людей, любящихъ свое отечество, стремящихся работать для его блага, блага, состоящаго въ томъ, чтобы члены его состояли изъ умственно и нравственно развитыхъ людей, повинующихся такимъ же людямъ, стремящимся на благо Россіи. Въ этомъ направленіи будетъ направлена моя общественная дѣятельность. Та партія, которая будетъ стремиться къ тому же, есть моя партія, но разъ она отступаетъ въ чемъ-либо отъ этой программы, я отъ нея отрекаюсь.

Частная моя дѣятельность будетъ направлена въ томъ же смыслѣ, но въ узкомъ кругѣ. Если мнѣ населенію того уѣзда, гдѣ я буду жить, удастся расширить умственный и нравственный горизонты, сдѣлать жизнь болѣе пріятной и близкою къ чело-Vвѣческому идеалу — моя задача исполнена. При поступкахъ я буду лишь руководиться постояннымъ анализомъ характера и степени развитія чело-Vвѣка. Моя задача — приготовленіе людей. Если будутъ люди, всякій строй будетъ хорошъ, пока нѣтъ людей, всякая переменна, всякій безпорядокъ будетъ содѣйствовать возвышенію мерзавцевъ. Опытъ 7 послѣднихъ лѣтъ это показалъ, и я твердо вѣрю, что чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже будетъ. Слишкомъ много у насъ темныхъ силъ и почти нѣтъ знающихъ энергичныхъ, свѣтлыхъ личностей. Жду отвѣта. Вотъ мой взглядъ. Ты видишь, что я также желаю блага и мой идеалъ недалекъ отъ вашего. Но способамъ социалистовъ я вѣрить не могу. Неужели же это заставляетъ тебя молчать и разрывать дружбу въ вѣчность, которой я твердо вѣрилъ. Гдѣ Сергѣй? Что тропики? Адр. мой: Берлинъ, Albrechtsstr. 20.

VIII.

24 іюля 1888. Halle a S. Germarstr. 9.

Дорогой другъ В. И. Извини меня, что я тебѣ не отвѣчалъ такъ долго на твое письмо. Я дѣлалъ съ проф. Фрицше-
мъ экскурсію на Гарцъ, очень интересную, и по возвращеніи полу-
чилъ два твоихъ письма. Благодарю тебя за твое обѣщаніе
устроить мнѣ заемъ. Тогда мы могли бы устроить совместно
экскурсію. Съ своей стороны, предлагаю слѣдующіе планы: 1) Въ

Лондонъ на геологическій конгрессъ и оттуда черезъ Арденны въ Парижъ. Конгрессъ, говорятъ, общаетъ быть весьма интереснымъ, кромѣ того, онъ соединенъ съ экскурсіями. Можно будетъ посѣтить Кью и познакомиться съ англійскою жизнью.

2) Если считаешь этотъ планъ неудобнымъ, то устроимъ одно изъ двухъ. 30 августа или 1 іюля ѣдемъ въ Цюрихъ и дѣлаемъ экскурсію съ Геймомъ въ Швейцарію, вѣроятно, въ область Теди. Это прекрасный случай практически познакомиться съ тектоникой и Gletcherkunde.

Кромѣ того, въ началѣ августа въ Швейцаріи геологическій конгрессъ и совмѣстная экскурсія на Юру, при чемъ можно будетъ видѣть въ разрѣзѣ весь профиль Юры. У меня много знакомыхъ и насъ присоединятъ съ удовольствіемъ. Съ Юры мы можемъ или спуститься по Рейну до Эйфеля, сдѣлавъ Ausflug на Шварцвальдъ, я оттуда проѣхалъ бы въ Парижъ, а ты, куда хочешь. Можно сдѣлать и такъ: оставить Рейнъ, а черезъ Юру прямо поѣхать во Францію и посѣтить Дофинэ и Овернь. Мнѣ непременно хотѣлось бы видѣть области древнихъ вулкановъ.

Программа моихъ занятій такова. Теперь читаю по динамической геологіи и по Thierverbreitung, экскурсирую, по мѣрѣ возможности, и стараюсь завязать знакомства. Благодаря проф. Dames, познакомился съ деловіемъ окрестностей Берлина и видѣлъ кое-что на Гарцѣ. На дняхъ посѣщу Страсбургъ. Начиная съ осени, погружаюсь въ науку о человѣкѣ, которой посѣщаю исключительно зиму. По орографіи знаю лишь Зонклара. Картографіей не занимался, такъ какъ не знаю хорошаго руководителя. Читалъ лишь теорію по Steinmayer'у. Надѣюсь найти практику въ Парижѣ, на которую возлагаю большія надежды.

Съ метеорологіею сплеховалъ. Можно было кое-чему выучиться и въ Берлинѣ. Вообще надо бы было о многомъ переговорить. Этотъ годъ я считаю для себя потеряннымъ и утѣшаю только тѣмъ, что написалъ диссертацию и все-таки повидалъ многое въ Европѣ и разочаровался въ нѣмецкой наукѣ. Съ осени буду работать, по мѣрѣ силъ, для оріентировки. Лекціи же стану готовить не ранѣе лѣта будущаго года. Тропики придется отложить. Печатать я ничего не печаталъ, такъ какъ продуктивно не работалъ. Дѣлалъ лишь сообщеніе въ Берлинѣ, оттискъ котораго передамъ тебѣ при свиданіи.

Министерство должно было тебѣ прислать деньги 15 іюля. Если ихъ не получилъ, пиши и жалуйся; тамъ что-то не ладно. По курсу я долженъ былъ получить 720 марокъ, а мнѣ прислали всего 640. Ѣхать въ Швейцарію могу лишь въ томъ

случаѣ, если можно устроить заемъ. Если нѣтъ, устроимъ свиданіе гдѣ-либо ближе. Во всякомъ случаѣ немедленно отвѣчай на это письмо и приложи адресъ. Я потерялъ твой и не знаю № дома—51 или 53 и боюсь, что письмо не дойдетъ. Остаюсь горячо любящій тебя другъ.—Въ Швейцарію ѣдетъ также баронъ Толь. Ты его знаешь. Кажется, очень хорошій человѣкъ.

IX.

Дорогой и милый В. И. Извини, что не отвѣчалъ такъ долго на твое письмо. Книги тебѣ давно уже выслалъ и надѣюсь, что ты ихъ уже получилъ. Отвѣчай мнѣ на это письмо немедленно, такъ какъ я намѣренъ дней черезъ 9 уѣхать въ Россію защищать диссертацию и держать экзаменъ у Петри. Поѣду, вѣроятно, или черезъ Швейцарію, или черезъ Марсель и Геную, потому можно бы было свидѣться или съ тобою, или съ твоей женой, если это удобно и если ты сообщишь адреса. Новостей особенныхъ нѣтъ, читаю очень много по географіи Англіи, Франціи и Испаніи и по исторіи географіи. Былъ на дняхъ на reunion рабочихъ, и вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Вообще о Парижѣ я всегда буду вспоминать съ удовольствіемъ, хотя теперь жажду его покинуть. Кланяйся нашимъ. Твой Андрей. Парижъ, 12, Rue Gay Lussac.

X.

Дорогой другъ, В. И. Не писалъ тебѣ такъ долго, потому что не зналъ, вернулся ли ты изъ своей поѣздки по Германіи. Теперь, я надѣюсь, ты уже дома, и потому пишу тебѣ по старому адресу. Новостей особенныхъ нѣтъ. Въ Казани, пишутъ, собирается вакантная кафедра по ботаникѣ, но кажется и она собирается мнѣ улыбнуться, какъ улыбнулся Томскъ. Въ ботаническій садъ хлопотать за меня поголовно отказались всѣ ботаники, и вся затѣя произвела въ Петербургѣ очень дурное впечатлѣніе, не исключая и Докучаева, который, Богъ знаетъ, откуда узналъ о ней. Я въ восторгѣ отъ Парижа и теперь вполне его оцѣнилъ и понимаю, почему вы всѣ такъ сюда стремитесь. Занятія мои устроились покуда лишь у Рено, у котораго прекрасно можно выучиться методикѣ фитопаалеонтологіи и я и теперь уже узналъ много новаго. Онъ очень любезенъ и внимателенъ. Сегодня познакомлюсь съ Топинаромъ. Батюшковъ не поѣхалъ въ Италію, но остается въ Парижѣ до зимы. Напиши, пожалуйста, въ какомъ это сочиненіи ты нашелъ критику и доказательства несостоятельности всѣхъ теперешнихъ палеон-

тологическихъ методовъ. Если можешь пришли заглавіе. Всего тебѣ лучшаго, кланяйся женѣ. Твой Андрей. Парижъ — 18 октября 1888 г.

XI.

Дорогой другъ, В. И. Книжку тебѣ я отослалъ еще третьяго дня. Что же касается до занятій, то они начинаются 7 ноября, и тогда я тебѣ вышлю подробныя данныя. Пока въ Парижѣ я работаю только у Рено, именно, занимался приготовленіемъ анатомическихъ препаратовъ изъ окаменѣлыхъ деревьевъ. Результаты получаются изумительные. Структура стволовъ, вѣтвей, листьевъ сохраняется такъ хорошо, что поперечные разрѣзы черезъ листовыя пластинки, или черезъ стволъ такъ же хороши, какъ у живыхъ растений, и опредѣленіе такимъ путемъ, несомнѣнно, точнѣе всѣхъ другихъ способовъ. Методы довольно просты и имѣя въ виду массы сырого матеріала въ Россіи, понятно, что у насъ можно разрѣшить многое. Я писалъ Докучаеву, прося его прислать кое-что изъ кабинета для опредѣленія, но онъ мнѣ ничего не отвѣчаетъ. Съ антропологіей еще ничего не начиналъ. Только съ начала будущей недѣли можно будетъ работать въ лабораторіи у Топинара, но я еще не знаю, буду ли это дѣлать. Въ Казани есть вакантная кафедра ботаники и Бекетовъ хотѣлъ хлопотать о предоставленіи ея мнѣ. Хотя онъ пишетъ, что надежды очень мало, но пока я не получу отъ него отвѣта, я буду стоять на ботанической почвѣ. Кромѣ того, мнѣ предложили здѣсь въ обществѣ прочесть сообщеніе, надъ которымъ я и работаю. Печатанье диссертациі будетъ окончено къ 1 ноябрю стараго стиля, я тогда я могу въ декабрѣ или январѣ ее защититъ. Твой другъ, Андрей.

Воспоминанія объ Андреѣ Николаевичѣ Красновѣ.

Въ 1890 году, отправляясь въ г. Харьковъ, гдѣ я состоялъ студентомъ Ветеринарнаго Института, я получилъ порученіе отъ Михаила Ивановича Краснова познакомиться съ его племянникомъ Андреемъ Николаевичемъ Красновымъ, назначеннымъ профессоромъ въ Харьковскій Университетъ.

Семья Красновыхъ представляетъ много общихъ типичныхъ особенностей и характерныхъ чертъ, свойственныхъ всѣмъ ея членамъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться и, повидимому, наслѣдственныхъ. Въ виду того, что отсюда дѣлаются понятными и нѣкоторыя индивидуальныя особенности А. Н., частью, сильно вредившія ему въ его научной дѣятельности, я позволяю себѣ остановиться на личности покойнаго Михаила Ивановича, какъ очень яркаго представителя названной семьи.

Впервые я встрѣтилъ Михаила Ивановича въ Таганрогскомъ округѣ, тогда Міусскомъ, въ имѣніи его зятя при слободѣ Амвросіевкѣ. Его личное имѣніе примыкало непосредственно къ слободѣ Амвросіевкѣ, но въ то время оно уже не принадлежало ему. Михаилъ Ивановичъ былъ однимъ изъ идеалистовъ шестидесятыхъ годовъ. Высоко образованный, культурный въ лучшемъ значеніи слова, гуманный человѣкъ, онъ обладалъ необыкновенной довѣрчивостью къ людямъ. Имѣя юридическое образованіе (правовѣдѣніе), М. И. не пошелъ по обычной дорогѣ, а поступилъ въ непремѣнные члены по крестьянскому присутствію, чтобы быть ближе къ тому населенію, на хребтахъ котораго создавалось дворянское землевладѣніе и, какъ ему казалось, которому каждый дворянинъ обязанъ своимъ родовымъ благополучіемъ. Владѣя своимъ родовымъ имѣніемъ, онъ, какъ свидѣтельствовали сосѣди, никогда не чувствовалъ себя его собственникомъ. Опытъ веденія хозяйства собственными средствами приводилъ къ обкрадыванію его прикащиками и другими наемными людьми. Это заставило его перейти къ раздачѣ земли въ аренду крестьянамъ, но, зная его личный характеръ, никто изъ крестьянъ не хотѣлъ платить аренды. Въ послѣдніе годы

дѣло доходило до того, что у М. И., собственника двухъ тысячъ десятиной земли, никогда не было ни копѣйки денегъ при самой строгой, даже бѣдной, обстановкѣ жизни. Крестьяне платили за аренду земли яйцами, курами, молокомъ и другими продуктами. Но къ концу каждаго года М. И. оказывался неоплатнымъ должникомъ деревенскихъ проходимцевъ. Однако, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что его обираютъ и обманываютъ. М. И. видѣлъ, что окружающіе крестьяне остались послѣ 61 г. безъ земли и потому чувствовалъ на себѣ вину родителей. Въ конечномъ результатѣ онъ счелъ за лучшее исправить сдѣланную несправедливость и отдалъ свою землю крестьянамъ села Красновки.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, къ которымъ относятся описываемыя событія, М. И. встрѣтился въ слободѣ Амвросіевкѣ съ другимъ идеалистомъ — священникомъ Л., съ которымъ они пытались создать настоящую крестьянскую общину — коммуны. Общественныя запашки, общая уборка, равный раздѣлъ полученнаго сбора, общественный запасной магазинъ, общественныя зимнія работы на камнеломняхъ, на известковыхъ ломкахъ, причемъ всѣ эти работы производились подъ непосредственнымъ руководствомъ священника Л. и подъ защитой и отвѣтственностью передъ администраціею Михаила Ивановича, создали изъ бѣднаго разореннаго села — обезпеченныхъ жителей, удвоившихъ свое земельное имущество, имѣющихъ школу, чайную съ читальней съ характеромъ клуба, гдѣ каждый вечеръ въ зимніе мѣсяцы вели собесѣдованіе съ крестьянами М. И. и священникъ Л. Къ сожалѣнію, такое благополучіе, по справедливости оцѣненное крестьянскимъ населеніемъ, было оцѣнено духовной администраціей иначе. На мѣсто священника Л. былъ присланъ другой, который постарался вымести даже воспоминаніе о бывшей жизни, а своими доносами постарался нагнать панику на мѣстное населеніе.

Увлекающійся всякой идеей, М. И. такъ глубоко уходилъ въ мысленную разработку каждой идеи, что въ такіе моменты ничего не замѣчалъ изъ окружающей жизни. Къ тому же онъ отъ природы обладалъ колоссальной разсѣянностью, о которой ходили анекдотическіе рассказы. Такъ какъ разсѣянность являлась характерной чертой всѣхъ членовъ семьи Красновыхъ въ томъ числѣ и Андрея Николаевича, то я позволяю себѣ сообщить нѣсколько примѣровъ, показывающихъ до какихъ доходила она размѣровъ.

Отправляясь по дѣламъ службы на самое короткое время въ сосѣднюю слободу верстъ за 20—25, М. И. часто начиналъ

собираться съ 5 ч. утра, набивая всѣ свои чемоданы и мѣшки своимъ имуществомъ. Наконецъ, къ 12 час. дня, когда ямщикъ, потерявъ терпѣніе и проголодавшись, заявлялъ, что онъ уѣдетъ обратно домой, вещи укладывались въ почтовый тарантасъ. Кое-какъ усаживался и самъ М. И. съ книгой въ рукахъ. Но такъ какъ сидѣть было неудобно, то, отѣхавши двѣ, три версты, онъ вставалъ и двигался впередъ пѣшкомъ, приказывая ямщику ѣхать за нимъ. М. И. медленно двигался, читая, а ямщикъ засыпалъ на козлахъ. Лошади при случаѣ свертывали на дорогу къ своему дому и спустя нѣкоторое время, оглядываясь кругомъ, М. И. оставался въ степи одинъ безъ признаковъ лошадей и какого-либо жилья на горизонтѣ.

Другой случай, неоспоримость котораго я могу подтвердить. Ужиная однажды у своихъ хорошихъ знакомыхъ, М. И. былъ оставленъ ночевать, такъ какъ шелъ сильный дождь. Онъ изъяснилъ свое полное согласіе; но, когда хозяева были заняты другими гостями, М. И. незамѣтно исчезъ. Послѣ разъѣзда всѣхъ гостей хозяева были увѣрены, что М. И. забылъ о своемъ согласіи и легли спать. Черезъ нѣкоторое время они были разбужены звонками и стукомъ. Оказалось, что это М. И. Удивленные, они встрѣтили его вопросомъ, гдѣ онъ былъ. На это М. И., какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣтилъ, что онъ ходилъ домой предупредить, что онъ не будетъ ночевать.

Торопясь на засѣданіе въ Дворянское Собраніе, М. И. кладетъ шапо-клякъ на полъ, беретъ калошу подъ мышку и, принявши подходящій моменту видъ, входитъ торжественно въ Собраніе, и т. д.

Исполняя обязанности почетнаго мирового судьи, М. И. осаждался въ воскресные и праздничные дни массою съѣзжающагося крестьянскаго населенія. Къ нему шли со всѣми своими нуждами и тяжбами. Очереди ожидали до поздней ночи. И никто изъ пріѣхавшихъ не уѣзжалъ неудовлетвореннымъ. Я не слышалъ отъ крестьянъ ни одного случая, когда бы М. И. не примирилъ тяжущихся. Любопытно, что, будучи смиренѣйшимъ человѣкомъ, въ моментъ суда онъ сердился, кричалъ, но заканчивалъ всегда тѣмъ, что заставлялъ примиренныя стороны въ знакъ исполненія принятаго рѣшенія цѣловать Евангеліе.

М. И. закончилъ свою жизнь, какъ это и всегда бываетъ съ людьми его склада и мышленія, въ крайней бѣдности, редакторомъ провинціальной газеты въ одномъ изъ самыхъ меркантильныхъ городовъ Россійской Имперіи — въ борьбѣ за общечеловѣческіе идеалы и мѣстные общественные интересы.

Когда я впервые встрѣтился съ Андреемъ Николаевичемъ Красновымъ, онъ былъ молодымъ человѣкомъ, полнымъ энергіи и желанія работать на научной и общественной почвѣ. Онъ только-что возвратился изъ заграничной командировки въ Западную Европу. Какъ самобытная оригинальная натура, много путешествовавшій передъ тѣмъ по востоку, А. Н. не былъ очарованъ западомъ. Западная Европа производила на него гнетущее впечатлѣніе своей законченностью, шаблонностью и отсутствіемъ размаха. Установившіяся нормы, въ которыя вложилась вся сложная жизнь запада лишь съ небольшими коррективами, вносимыми текущей жизнью, вообще производятъ на всѣхъ русскихъ впечатлѣніе жизни по указкѣ, подъ руководствомъ строгой бонны или гувернантки. Естественно, что послѣ Тянь-Шаня попасть въ прилизанные парки съ подстриженными деревьями, съ отшлифованными дорожками въ Европѣ представляетъ мало привлекательнаго и интереснаго для ботаника и географа.

Харьковъ съ его общественной жизнью не произвелъ на А. Н. притягательнаго впечатлѣнія; много лѣтъ онъ стремился попасть въ Петроградъ, гдѣ, кромѣ Географическаго общества, онъ рассчитывалъ принимать участіе въ другихъ научныхъ обществахъ, встрѣчаться и обмѣниваться съ людьми, работающими въ тѣхъ же областяхъ знанія.

Вначалѣ своей дѣятельности, чувствуя нѣкоторое одиночество, онъ весь отдался своему университетскому курсу, при чемъ одинъ изъ первыхъ устроилъ въ Университетѣ коллоквиумы со студентами по географіи, какъ университетской наукѣ, а затѣмъ началъ устраивать ежегодно экскурсіи со студентами по Кавказу и Черноморскому побережью. Эти поѣздки представляли такъ много новаго, интереснаго, что служили всегда темою для обсужденія мѣстнымъ обществомъ и прессою.

Онъ много говорилъ тогда о необходимости организацій образовательныхъ экскурсій по Россіи, Европѣ и другимъ частямъ свѣта. Особенно ему хотѣлось направить россіянъ въ Японію, которой онъ очень увлекался.

Блестящій лекторъ, А. Н. сразу обратилъ на себя вниманіе и привлекъ къ себѣ симпатіи студентовъ. Скоро онъ дѣлается однимъ изъ любимѣйшихъ лекторовъ молодежи, не только университетской, но и другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ на своихъ публичныхъ лекціяхъ, которыя онъ часто устраивалъ, онъ излагалъ предметъ не только краснорѣчиво, но и общедоступно.

Съ теченіемъ времени А. Н. втягивается въ общественную жизнь города и дѣлается членомъ разныхъ обществъ, организацій, а также желательнымъ и постояннымъ членомъ многихъ домашнихъ кружковъ въ городѣ. Городская жизнь съ ея повседневными интересами постепенно засасываетъ его. Но ботаникъ и путешественникъ въ немъ сидѣлъ крѣпко и доминировалъ

Бывшій домъ А. Н. Краснова въ Харьковѣ (уголъ Бассейной ул. и Пушкинской; въ настоящее время онъ надстройкой превращенъ въ 3-хъэтажный—д. Дьякова).

надъ всѣмъ остальнымъ. Ему удастся оторваться отъ Харькова, собрать средства и уѣхать на Яву, Индію, Японію, Китай, Амуръ, Сахалинъ и др., чтобы собрать необходимый матеріалъ для своей новой кафедры.

Закончивши эти работы, онъ началъ мечтать о реализаціи такого уголка (Mon heros, какъ онъ говорилъ), гдѣ можно было бы культивировать растенія, по возможности, всего міра. Его выборъ палъ на Сочинскій районъ Кавказскаго побережья,

съ которымъ онъ познакомился во время своихъ экскурсій со студентами. Въ то время на Кавказѣ работалъ г. Абаза—энергичный дѣятель, взявшійся за устройство этого исключительнаго по природнымъ условіямъ и въ то же время заброшеннаго или забытаго края. Абаза оцѣнилъ намѣренія А. Н. и предоставилъ ему одинъ изъ побережныхъ, наиболѣе защищенныхъ культурныхъ участковъ Сочинскаго района, приблизительно десятины въ 10—12.

Когда я увидалъ въ первый разъ этотъ участокъ, онъ мнѣ напомнилъ рассказы Маинъ-Рида, Фенимора-Купера про дикіе американскіе лѣса. Дѣйствительно, весь участокъ представлялъ собою мѣстность изъ бугровъ и овраговъ, покрытыхъ лѣсомъ, обвитымъ плющемъ и ліанами до самой вершины; внизу мелкіе колючіе кустарники, сплошь покрытые гигантскими кустами ежевики. Достаточно сказать, что я затратилъ 4 часа времени, чтобы съ двумя рабочими, вооруженными необходимыми инструментами, пробиться на протяженіи полутора саженъ къ морю.

Черезъ два года послѣ того я гулялъ уже въ томъ же мѣстѣ по культурнымъ дорожкамъ и любовался какъ бы перенесенными изъ Японіи живописными уголками съ типической экзотической растительностью, частью вновь насаженной, частью искусно созданной изъ мѣстной флоры. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ А. Н. сумѣлъ создать культурный уголокъ, который пріѣзжали осматривать всѣ желающіе познакомиться съ краемъ и съ тѣмъ, что онъ можетъ дать.

Задаваясь какой либо-цѣлью, А. Н. все остальное приносилъ въ жертву занимавшей его идеи. Какъ образецъ безпримѣрнаго увлеченія идеей, охватившаго его въ данный моментъ, я не могу не сообщить объ одномъ случаѣ въ жизни А. Н. Въ періодъ обработки своей докторской диссертациі А. Н. ѣздилъ работать на островъ Яву и другіе сосѣдніе острова Индійскаго Архипелага. На эту поѣздку онъ получилъ субсидію отъ Географическаго Общества, но главные ресурсы для поѣздки А. Н. рассчитывалъ получить отъ Университета изъ причитающагося ему содержанія за полугодовый періодъ его путешествія. Конечно, расчетъ А. Н. оказался мало соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и онъ скоро остался безъ копѣйки и сталъ бомбардировать своихъ друзей и знакомыхъ просьбами о ссудѣ. Но особенно въ затруднительное положеніе попалъ А. Н. на обратномъ пути въ Россію. У него достало средствъ на дорогу только до Мадагаскара, гдѣ онъ и долженъ былъ оставить пароходъ.

На его мѣстѣ всякій другой оказался бы въ критическомъ положеніи, но А. Н. оказывался во всѣхъ случаяхъ истиннымъ путешественникомъ. Въ ожиданіи присылки средствъ имъ были прочитаны популярныя лекціи мадагаскарцамъ, а затѣмъ приняты поѣздки по острову для ознакомленія съ краемъ, населеніемъ и его жизнью, что также послужило матеріаломъ для публичной лекціи по возвращеніи его въ Харьковъ.

Увлечшись идеей собрать растительность всего земного шара, которая могла бы быть культивируема въ Сочинскомъ районѣ, онъ не щадилъ средствъ, даже когда ихъ не имѣлъ, что всегда заканчивалось для него непріятнымъ послѣдствіемъ. Попадая въ затруднительное матеріальное положеніе, А. Н. долженъ былъ искать выходъ въ побочномъ заработкѣ, и въ такихъ случаяхъ брался за перо. Тогда дни, недѣли были посвящены только писанію; весь домъ превращался въ канцелярію, гдѣ переписывались его исписанные словно гіероглифами листы. Едва ли А. Н. имѣлъ возможность хорошо проредактировать свои произведенія. Побуждаемый, съ одной стороны, кредиторами, съ другой—издателями, у которыхъ онъ впередъ бралъ въ счетъ работы, А. Н. работалъ наспѣхъ. Послѣднее обстоятельство сильно вредило ему. Обиліе кредиторовъ было частью причиной и многочисленныхъ публичныхъ лекцій.

Съ А. Н. пріятно было проводить время. Высказывался онъ всегда откровенно, и ясно и краснорѣчиво излагалъ свою мысль. Говорилъ всегда убѣжденно, но въ его рѣчи всегда чувствовалось увлеченіе и болѣе картинное изображеніе событій и обстоятельствъ, чѣмъ реальное описаніе точныхъ фактовъ. Обладая громадной мнемонической и зрительной памятью, при чемъ во время путешествій онъ запечатлѣлъ въ мозгу массу образовъ, А. Н. естественно, не могъ не приводить сравненій, сопоставленій и картиннаго изображенія событій. Онъ любилъ говорить, увлекался самъ и увлекалъ своего слушателя, забывая нерѣдко реальную обстановку. Были случаи, напримѣръ, когда А. Н. забывалъ, что онъ не брадобрѣй и изрѣзывалъ себѣ лицо, чтобы явиться на лекцію или же къ знакомымъ джентельменомъ. Или забывалъ, что онъ не садовникъ и самымъ безжалостнымъ образомъ пересаживалъ лѣтомъ цѣнныя растенія съ одного мѣста на другое въ Сочинскомъ участкѣ. Правда, тамъ такой благодатный климатъ для растеній, что и такія операціи не давали плохихъ результатовъ. Его забывчивость сильно запутывала и денежныя дѣла.

Къ счастью, подобныя огорченія не удручали А. Н. и не повергали въ уныніе. Онъ скоро забывалъ о непріятностяхъ и вновь увлекался идеей. Часто нѣкоторыя его мечты казались странными, но затѣмъ постепенно онѣ разрабатывались и проводились имъ въ жизнь наперекоръ житейскимъ разсужденіямъ и практическимъ соображеніямъ. На развитіе Сочинскаго района А. Н. оказалъ большое вліяніе: онъ постоянно писалъ о немъ статьи въ періодической печати, возбуждая интересъ къ новому краю; принималъ участіе въ мѣстныхъ обществахъ, которыя знакомилъ съ культурою новыхъ растений; дѣлалъ доклады; устраивалъ выставки въ Петроградѣ и т. д. Послѣ же поѣздки на востокъ съ комиссіей для изученія культуры чая и перевозки чайнаго кустарника въ Россію—А. Н. усиленно агитировалъ за признаніе кавказскаго побережья жемчужиной Россіи, природной для культуры двѣнадцати даровъ востока. Такъ А. Н. называлъ чай, мандарины, хинное дерево, лаковое дерево, пататы, бамбукъ и др. растенія, которыя по его заключенію могли быть культивируемы въ разныхъ мѣстахъ побережья, особенно въ Батумской области.

На своемъ участкѣ А. Н. культивировалъ много новыхъ растеній; черезъ два, три года хозяйничанія онъ уже угощалъ насъ чаемъ, приготовленнымъ у себя дома, мандаринами, сорванными съ вѣтокъ, потатами съ пріятнымъ вкусомъ сладковатаго картофеля, японскими сливами, росшими по стѣнамъ дома, съ невѣроятно вязущимъ вкусомъ, японскими овощами и зеленью, смирнскими дынями и т. д.

Какъ ни увлекался А. Н. краемъ, малярія, который болѣлъ онъ самъ, а особенно сильно страдали члены его семьи, заставила его покинуть Сочинскую область, перебраться и прочнѣе обосноваться въ г. Харьковѣ.

Но городъ никогда не нравился А. Н. своею жизнью и общественною дѣятельностью. Тѣмъ не менѣе А. Н. внесъ много труда, энергіи и знанія дѣла въ жизнь Харькова: онъ привелъ въ благоустроенный видъ такъ-наз. Университетскій садъ, принималъ выше описанное дѣятельное участіе въ организаціи и веденіи курсовъ для рабочихъ, былъ гласнымъ думы, читалъ безконечное количество популярныхъ лекцій, кажется, для всѣхъ благотворительныхъ обществъ города и т. д.

Въ Харьковѣ А. Н., однако, жилъ лишь до окончанія службы, и какъ только представилась возможность оставить каменные стѣны, вырваться на просторъ воздуха и свѣта, А. Н. уже больной съ разстроеннымъ здоровьемъ, снова воспрянулъ духомъ и устре-

жился въ Батумскую область, чтобы создать тамъ акклиматизаціонный участокъ для растительности всего міра. Большая отвѣтственная работа, интересная какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, къ сожалѣнію, не была имъ закончена. Война застала А. Н. за границей, куда онъ уѣхалъ подлечить свое разстроенное здоровье. Длинный переѣздъ по морю на обратномъ пути, долгое задержаніе въ Дарданеллахъ, подъ направленными на пароходъ турецкими пушками, въ конецъ расшатали нервную систему. А. Н. боялся возвратиться въ Батумъ, когда началась уже война въ Турціи, считая его ловушкой для всѣхъ живущихъ тамъ русскихъ, тѣмъ не менѣе поѣхалъ туда. Предчувствіе оправдалось—онъ больше оттуда не возвратился.

Память объ А. Н. для всѣхъ, ближе его знавшихъ, безъ сомнѣнія, дорога, какъ о мягкомъ, добромъ человѣкѣ, любовно относившемся ко всѣмъ и всему окружающему. Онъ охотно помогалъ нуждающимся, поддерживалъ болѣе способныхъ, талантливыхъ слушателей рабочихъ курсовъ; мальчиковъ, которыхъ бралъ къ себѣ ухаживать за оранжереей, воспитывалъ, обучалъ и помогалъ имъ дать законченное образованіе. У А. Н. всегда были на попеченіи молодые люди, которые при его помощи старались выбиться къ свѣту¹⁾. Съ громаднымъ запасомъ работоспособности, жизнерадостности, какой-то потенціальной энергіи и полной готовности подѣлиться, какъ бы перелить въ другого запасъ своего интеллекта, А. Н. невольно привлекалъ къ себѣ симпатіи всѣхъ кому приходилось ближе приходить съ нимъ въ соприкосновеніи и ближе знакомиться съ интимной стороной его дѣятельности и жизни. Про него можно съ полнымъ правомъ сказать, что онъ былъ свѣтлымъ явленіемъ въ жизни русскаго общества.

Д. Коневъ.

¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень часто дѣлался жертвой и эксплуатаціи.

Изъ произведеній А. Н. Краснова ¹⁾.

Географія, какъ новая университетская наука ²⁾.

Сегодня впервые я имѣю честь выступить передъ вами, на кафедрѣ Харьковскаго университета, въ качествѣ преподавателя науки, доселѣ здѣсь не читавшейся, науки новой для нашихъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. И естественно, что всѣ здѣсь собравшіеся въ правѣ задать мнѣ вопросъ: что же это за новая наука, вдругъ откуда-то взявшаяся? почему только теперь она является среди прочихъ предметовъ, здѣсь излагающихся? почему ранѣе о ней ничего, какъ объ университетской наукѣ, не было слышно? Въ правѣ ли она называться наукою? не есть ли это лишь наглая самозванка, безъ всякихъ правъ вторгшаяся въ семью университетскихъ наукъ?

Выступая здѣсь въ качествѣ профессора географіи, считаю своимъ долгомъ, прежде чѣмъ начать курсъ, отвѣтить на этотъ вопросъ, высказать свой взглядъ на него, свое *profession de foi*, дабы не вводить въ заблужденіе моихъ слушателей. Я считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что не только у насъ въ Россіи, но и на западѣ, взглядъ на географію не установился: всякій понимаетъ и толкуетъ этотъ предметъ по-своему, давая поводъ публикѣ составлять себѣ о немъ самыя превратныя представленія.

¹⁾ Въ дальнѣйшимъ мы перепечатаемъ нѣкоторыя статьи А. Н. Краснова, которыя дополняютъ данныя въ предыдущей характеристикѣ его взглядовъ и вообще особенностей творчества. *Ред.*

²⁾ Вступительная лекція, читанная 16-го сентября 1889 года въ Харьковскомъ университетѣ. (см. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLXVI, отд. 2). Взгляды А. Н. Краснова на задачи географіи были имъ изложены также совсѣмъ въ концѣ его профессорской дѣятельности въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Природа». Однако, мы предпочли изъстоящую его статью, которая показываетъ, съ насколько сложившимися взглядами онъ приступалъ съ самаго начала къ своей дѣятельности.

Ред.

Насколько я могъ замѣтить господствующимъ въ массѣ представленіемъ о географіи является то, которое вынесено со школьной скамьи и опредѣлено приблизительно тѣмъ, что излагается въ учебникахъ Смирнова, Бѣлохи, Пуликовского, Лебедева и т. п. И эта часть образованной публики справедливо недоумѣваетъ: какую же роль подобная наука можетъ играть въ стѣнахъ университета? Вѣдь названные учебники содержатъ

[illegible]

A. G. G. G.

Автографъ А. Н. Краснова.

въ себѣ лишь собраніе разнородныхъ свѣдѣній о разныхъ частяхъ свѣта и ихъ государствахъ, да кое-что изъ физической географіи, свѣдѣнія правда—необходимыя для всякаго образованнаго человѣка, но сборъ которыхъ нельзя назвать наукою. Дѣйствительно, свѣдѣнія эти въ томъ видѣ, какъ они преподаются въ гимназіяхъ, неполны, но говоря по правдѣ, пополнять ихъ можно до безконечности. Въ многотомномъ произведеніи Реклю «Géographie Universelle» мы видимъ одно изъ наиболѣе талантливыхъ исполненій подобнаго рода задачи. Прекраснымъ, картиннымъ языкомъ изложены здѣсь разнообразнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ пяти частяхъ свѣта, свѣдѣнія о ихъ живой и мертвой природѣ, о населеніи, промышленности и торговлѣ. Но стоитъ любому изъ мѣстныхъ обывателей развернуть хотя бы главу о Малороссіи, чтобъ онъ увидѣлъ, что въ ней такое множество пробѣловъ, что пользоваться сочиненіемъ

этимъ для спеціальныхъ справокъ невозможно. Точно такое же впечатлѣніе производитъ описаніе его родины на любого изъ жителей другихъ странъ, описанныхъ Реклю, несмотря на полную добросовѣстность автора.

Очевидно, что исполненіе подобнаго рода задачи даже и не подѣ силу одному человѣку. Да и къ чему бы привело оно? Оно привело бы къ составленію полнаго компендія, запомнить который не въ состояніи была бы ни одна свѣтлая голова. Эти разнородныя свѣдѣнія, доведенныя до точности справочной книги и путеводителя, имѣютъ лишь частный интересъ, и мнѣ кажется, г-жа Простакова не была бы неправа, утверждая, что этого рода географія болѣе пригодна для изводчиковъ, нежели для студентовъ. Эта была бы во всякомъ случаѣ наука не университетская, ибо истинная университетская наука должна стремиться къ изложенію и открытію научныхъ истинъ.

Не всякая наука имѣетъ въ виду эту послѣднюю цѣль. Есть рядъ наукъ прикладныхъ, представляющихъ лишь сводъ отдѣльныхъ фактовъ, «отдѣльныхъ правдъ», какъ ихъ называетъ мой уважаемый учитель, проф. Менделѣевъ. Знаніе правды бываетъ важно для практической жизни; оно дается наблюденіемъ, опытомъ, практикою. Оно иногда на первый взглядъ приложимѣе къ жизни, ближе къ ней, доступнѣе массѣ. Напротивъ, знаніе истины дается лишь путемъ научныхъ изслѣдованій, путемъ трудной умственной работы, путемъ сопоставленія выводовъ, получить которые можно было лишь путемъ научныхъ, особыхъ методовъ изслѣдованія.

Что солнце наше поднимается ежедневно на востокъ и, описавъ полукругъ, склоняется на западъ—это фактъ, это правда, на знаніи и утилизаціи которой зиждется весь строй нашей жизни. Но истина движенія земли вокругъ оси, объясняющая смыслъ явленія, какъ извѣстно, далась людямъ не такъ скоро, и слѣдствія этой истины до сихъ поръ еще не исчерпаны человѣчествомъ.

Науки, не имѣющія цѣлью утилизацію сброда отдѣльныхъ «правдъ», а дѣйствительно стремящіяся къ открытію истинъ, или трактующія объ этихъ скрытыхъ для простака истинахъ, имѣютъ по преимуществу право на мѣсто въ университетѣ и должны здѣсь излагаться. Географія или, чтобы точнѣе, лучше обозначить нашъ предметъ—научное землевѣдѣніе, принадлежитъ именно къ этой послѣдней категоріи наукъ, хотя, по правдѣ сказать, изъ нихъ она самая молодая и не выработанная. Взглядъ на географію, какъ на сбродъ отдѣльныхъ фак-

Проф. А. Н. Красновъ въ Батумъ. На лѣво губернаторъ Батумской области Романовскій-Романько.

товъ, былъ взглядъ не безъ основанія; онъ выработался исторически. Еще недавно географія была именно такою. Отрывочные факты, собранные различными путешественниками, суммировались въ одно цѣлое. Получался сборъ разнороднѣйшихъ свѣдѣній, касающихся климата, животныхъ, растений и быта людей различныхъ странъ, сбродъ, изъ котораго составлялось уже описаніе, куда могло входить все, начиная отъ направленія вѣтровъ и кончая тѣмъ, какими вилками ѣдятъ жаркое ея обитатели. Таковъ былъ характеръ землеописанія со временъ Страбона и Плинія и до Гумбольдта и Риттера включительно. Правда, еще со временъ глубокой древности, какъ это прекрасно показалъ В. де-Сенъ-Мартенъ въ своей *Histoire de la Geographie*, дѣлались попытки широкихъ обобщеній, нахожденія связи между живою и мертвою природою каждой страны, однако все это ограничивалось лишь смѣлыми, по большей части ни на чемъ не основанными, гипотезами.

И такое состояніе географіи нельзя было ставить ей въ вину. Почти каждая университетская наука во времена болѣе или менѣе отдаленныя находилась въ этой стадіи сброда мало систематизированныхъ поверхностныхъ, доступныхъ простому глазу наблюденій, не координированныхъ фактовъ, словомъ—представляла свѣдѣнія объ узнанныхъ «правдахъ», но была далека отъ провозглашенія истинъ. Вспомните: ботаника зародилась изъ травниковъ и полезныхъ свѣдѣній о съѣдобныхъ и лѣкарственныхъ травахъ; минералогія еще недавно занималась лишь перечисленіемъ признаковъ нахожденія рудъ и драгоценныхъ камней; химія возникла изъ алхиміи, представлявшей рецепты для полученія золота и философскаго камня; даже древнѣйшая и совершеннѣйшая изъ наукъ, астрономія, и та представляла нѣкогда сводъ фактовъ о движеніи свѣтилъ по небесной тверди и ихъ загадочныхъ вліяній на судьбу людей. Географія только запоздала, идучи по тому же самому пути развитія. И это запаздываніе вполнѣ понятно и естественно.

Географія всегда имѣла предметомъ своимъ земной шаръ, описаніе его материковъ и морей и уясненіе явленій, на немъ происходящихъ и обусловливающихъ обстановку и судьбы живущаго на немъ человѣчества. Древніе географы, компилируя имѣющіяся подъ ихъ руками свѣдѣнія, были поэтому совершенно правы, принимая въ расчетъ всѣ данныя о природѣ и жизни описываемыхъ ими странъ. Но по мѣрѣ развитія нашихъ знаній, географъ оказался подавленнымъ ихъ массою, и ему не оставалось ничего иного, какъ раздѣлить свой трудъ. Древняя

наука должна была раздѣлиться между метеорологами, геофизиками, ботаниками, геологами, зоологами, этнографами, политикоэкономами, статистиками. Ея самостоятельное существованіе сдѣлалось фактически невозможнымъ. Но эти науки, на которыя она распалась, каждая въ свою очередь, представили столько матеріала, столько своего спеціального интереса, что служители наукъ этихъ, углубившись въ нихъ, по большей части забыли объ исходномъ ихъ пунктѣ и задались цѣлями довольно далекими отъ той, къ которой стремилось научное землевѣдѣніе. Ботаника стали интересоваться вопросы о процессахъ питанія и роста растений, о генетической связи между отдѣльными родами и видами; самая исторія развитія низшихъ организмовъ потребовала столь старательнаго изученія, что лица, увлекшіяся этими вопросами, по большей части совершенно оставляли втунѣ ту ботанику, которая, какъ вѣтъ географіи, была генетически съ нею связана, то-есть, изученіе флоръ различныхъ странъ и присущихъ имъ особенностей. Если подобнаго рода изученіе и дѣлалось, то обыкновенно спеціализація автора накладывала на него рѣзкій отпечатокъ. Оно носило на себѣ характеръ односторонности. Перечни растений, издаваемые ботаниками старой школы, были сырымъ, неудобоваримымъ, никому, кромѣ однихъ спеціалистовъ, неинтереснымъ матеріаломъ. Люди менѣе односторонніе, въ родѣ Гризебаха, Рупрехта, пытавшіеся пролить свѣтъ на собранные ими факты, освѣщали его всегда крайне односторонне, ища связи между, напримѣръ, климатомъ и флорою или геологическимъ строеніемъ мѣстности и растительностью и оставляли въ сторонѣ совокупность другихъ факторовъ не менѣе важныхъ. То, что сказано о ботаникѣ, вполне примѣнимо и къ другимъ наукамъ и повторять аналогичные примѣры значило бы лишь надоѣдать слушателямъ.

И такое положеніе дѣлъ было вполне естественно. Вѣдь, еще недавно отношеніе человѣка къ земному шару отличалось весьма немного отъ отношенія муравья къ тому мѣсту, по которому онъ ползаетъ. Правда, трудами путешественниковъ и топографовъ намъ удалось теперь составить довольно ясное представленіе объ очертаніяхъ и распредѣленіи суши и моря, о направленіи рѣкъ и горъ; но вѣдь этотъ трудъ былъ лишь координаціей отдѣльныхъ фактовъ—не болѣе. Земной шаръ однако, какъ извѣстно, подобенъ живому организму. Его внутренность и кора, воды и воздушная оболочка ежечасно перетерпѣваютъ многообразныя измѣненія. Ходъ измѣненій этихъ дви-

женій вліяєть на органическую жизнь нашего шара, которая до известной степени является какъ бы отраженіемъ этихъ явленій. И естественно, что пока человѣкъ самъ находился въ сферѣ дѣйствія всѣхъ этихъ силъ и явленій, будучи самъ въ значительной степени ихъ объектомъ, онъ не могъ имѣть полной картины жизни земного шара.

Чтобъ имѣть эту картину, онъ долженъ былъ сумѣть мысленно отдѣлится отъ его поверхности и составить картину явленій, на ней происходящихъ; онъ долженъ былъ наблюдать теченіе вѣтровъ, распредѣленіе осадковъ, процессовъ вывѣтриванія породъ и т. д., такъ же, какъ медикъ наблюдаетъ кровообращеніе, пищевареніе, выдѣленіе железъ и т. п. на ввѣренномъ ему человѣческомъ организмѣ.

Очевидно, для того, чтобы перестать играть роль муравья и превратиться въ стоящаго внѣ земли наблюдателя, надо было владѣть особыми методами. Методы эти суть достояніе естественныхъ наукъ и при томъ наукъ въ самой новѣйшей стадіи ихъ развитія. Только благодаря методамъ синоптической метеорологій, благодаря телеграфамъ, соединяющимъ другъ съ другомъ всѣ обсерваторіи пяти частей свѣта, мы можемъ составить карты состоянія атмосферы на каждый день, имѣть картину ея годичной жизни, такъ же, какъ мы могли бы наблюдать ее разсматривая землю нашу съ какого-нибудь другаго свѣтила. Только суммируя тысячи фенологическихъ наблюденій, только сопоставляя тысячи голыхъ систематическихъ списковъ, данныхъ въ разное время ботаниками, мало по мало оказываемся мы въ состояніи слабою, нетвердою рукою начертать границы растительныхъ и животныхъ царствъ; только теперь можемъ мы дѣлать попытки объяснить особенности царствъ этихъ, явленія ихъ жизни и отмиранія, тѣ явленія атмосферной, почвенной жизни, о распредѣленіи и причинахъ которыхъ наши предшественники могли строить только смѣлыя гипотезы.

Научное землевѣдѣніе является поэтому наукой, возникшей въ нашъ вѣкъ пара и электричества, можно сказать, исключительно имъ обязанною своимъ существованіемъ: ибо, благодаря только этимъ факторамъ нашей цивилизаціи, мы можемъ сопоставлять между собою различныя явленія, одновременно или почти одновременно происходящія на нашемъ шарѣ, разсматривать ихъ съ точки зрѣнія наблюдателя, стоящаго внѣ земного шара, отыскивать между ними причинную и генетическую связи. Вмѣсто голой суммировки отдѣльныхъ свѣдѣній, современная возникающая наука стремится сгруппировать и расклассифициро-

вать разнородные типы явлений органической и неорганической жизни земного шара, рассматривая ихъ такими, какими они представляются живущему на немъ человечеству, и охарактеризовавъ ихъ, ищетъ между ними генетической связи и законности, управляющей ихъ возникновеніемъ и взаимодействіемъ.

Я сейчасъ постараюсь пояснить примѣромъ сказанное; но прежде я долженъ указать еще на одно обстоятельство, мѣшавшее доселѣ развитію научнаго землевѣдѣнія. Причина эта—младенческое состояніе геологіи.

Хотя истинная задача геолога—исторія земной коры, а не описаніе современнаго ея состоянія, однако, какъ бытописатель, знакомый съ исторіей своей страны, легче пойметъ особенности ея жителей, такъ и знаніе прошлаго необходимо для географа. Геологъ характеризуетъ жизнь и географію земного шара въ отдаленномъ его прошломъ. Это прошлое часто мало интересно для географа. Но чѣмъ ближе къ современному періоду, тѣмъ большее вліяніе на особенности природы материковъ и морей нашей планеты оказываетъ это недавнее прошлое, ихъ до-историческое распредѣленіе и жизнь. Это прошлое наложило на современность неизгладимую печать, которую не можетъ стереть современная жизнь шара, а потому для разумнаго пониманія обстановки человѣка на земномъ шарѣ и его судьбы, равно какъ для разумѣнія истиннаго смысла явленій и распредѣленія ихъ на земномъ шарѣ, словомъ—для научнаго землевѣдѣнія, необходимо знаніе исторіи развитія современной обстановки человѣка. Но мы знаемъ, что геологія вообще, и геологія новѣйшихъ образованій въ особенности, можно сказать, только въ самыя послѣднія недѣли своего развитія достигла возможности слабою, неясною рукою начертать измѣненія нашихъ материковъ и морей въ предшествующую эпоху, начертать исторію ихъ развитія и въ туманѣ показать намъ грандіознѣйшую картину возникновенія нашего современнаго земнаго міра, какъ слѣдствія сжатія, складыванія и сдвиговъ по трещинамъ охлаждающейся коры земнаго шара.

Естественно, что, лишенная еще недавно столь важныхъ условій для своего развитія, географія, какъ наука, существовать не могла. Какъ фізіологія является дочерью физики и химіи, какъ геологія дочь астрономіи и физики, такъ географія является дѣтищемъ естественныхъ наукъ, нѣкогда изъ нея возникшихъ. Развѣтіе ея методовъ и результатовъ вполне зависѣло отъ успѣховъ этихъ послѣднихъ. Вотъ почему, мм. гг., географія является послѣднею въ семьѣ естественныхъ наукъ.

Чтобы выяснитъ лучше разницу между научнымъ землевѣдѣніемъ и тѣмъ, которое принималось за таковое ранѣе, я позволю себѣ иллюстрировать мое изложеніе примѣромъ.

Поставимъ себѣ задачею сдѣлать научное географическое описаніе Великобританіи, страны наилучше изслѣдованной въ естественно-историческомъ отношеніи. Географъ старой школы началъ бы съ изложенія объ очертаніяхъ острововъ, ихъ величины, далъ бы картину устройства поверхности, перечислилъ бы горы, ихъ высоту, рѣки съ ихъ особенностями; указалъ бы далѣе на климатъ, господствующіе вѣтры, распредѣленіе осадковъ; назвалъ бы главнѣйшіе виды растений и животныхъ; затѣмъ перешелъ бы къ народонаселенію, его плотности, этнографическому составу, быту, промышленности, торговлѣ, государственному устройству, бюджету и т. д. и т. д. Эту намѣченную программу въ зависимости отъ времени, способности и силъ онъ могъ бы расширить или сузить по произволу, такъ какъ объектовъ для описанія у него былъ бы всегда неисчерпаемый источникъ. Но все это былъ бы одинъ систематизированный, сырой матеріалъ—очень важный для справокъ, но не имѣющій и тѣни научности. Типъ такого рода описанія, какъ сказано, мы видимъ у Реклю, у Кирхоффа, и другихъ извѣстныхъ географовъ.

Не такъ долженъ отнестись къ своей задачѣ опытный землевѣдъ. Для него эта группа островковъ есть не что иное, какъ кусочекъ материка Евразіи, отдѣленный отъ него только въ силу трансгрессіи Атлантическаго океана. Обращаясь къ даннымъ геологіи, онъ находитъ, что явленіе указанной трансгрессіи не есть случайное въ исторіи Великобританіи. Если теперь ея подводныя пучины и фіорды суть остатки озерныхъ днищъ, вырытыхъ ледниками, а рифы и мели—вершины затопленныхъ горъ, кое-гдѣ даже сохранившихъ подъ водою свои лѣса, то явленіе это въ предшествовавшіе періоды повторялось не разъ, и Великобританію можно раздѣлить на двѣ области: область горъ, возникшихъ во времена глубокой древности и со временъ этой древности не затоплявшихся; область горъ и холмовъ болѣе молодыхъ, затоплявшихся лишь въ древнее время, и наконецъ, равнины, бывшія попеременно до послѣднихъ дней то долиною моря, то сушею. Указавъ далѣе мѣсто Англіи на пути современныхъ воздушныхъ теченій, обусловливающихъ ея современный климатъ, онъ долженъ указать на исторію этого климата, на періодъ большаго пониженія температуры, обусловившаго смѣну постоянныхъ дождей сѣвера Шотландіи такими

же снѣгопадами, которые вызвали развитіе ледниковъ, покрывшихъ почти всю страну за исключеніемъ ея южной оконечности. Періодъ соединенія ледниковъ Шотландіи и Скандинавскаго, факты всегда со временъ глубокой древности большей влажности западныхъ склоновъ, сравнительно съ восточными, должны быть отмѣчены съ особенною силою. Тогда ясными вполнѣ выступаютъ всѣ особенности рельефа современнаго королевства. Слушатель пойметъ тогда, почему горы Великобританіи на цѣлыя геологическія эпохи болѣе древни, чѣмъ, напримѣръ, Альпы, Карпаты или Гималаи, и что онѣ представляютъ однѣ развалины; почему ея рѣчныя долины превратились въ горные проходы, прорѣзая давно поперекъ горные хребты, почему такъ широки устья рѣченокъ, въ родѣ Темзы, доступныя кораблямъ и представляющія въ сущности залитыя прѣсною водою эстуаріи. Панорамы Шотландіи, носящія отпечатокъ ледяного періода, и ихъ рѣзкое отличіе отъ панорамъ Корнваллиса, разница перипетій пиковъ базальтовыхъ и гранитныхъ скалъ Ирландіи не будутъ мертвыми фактами, но полными глубокаго содержанія...

То же и съ растительностью. вмѣсто мертваго перечисленія характерныхъ формъ географъ долженъ указать на особенности ихъ распространенія. Онъ долженъ указать на факты господства сосны и скандинавскаго типа флоры въ Шотландіи и въ носящихъ слѣды обледенѣнія частяхъ Британіи, на присутствіе совершенно особенныхъ американско-испанскихъ видовъ на его западныхъ оконечностяхъ и германскихъ на крайнемъ востокѣ. Онъ долженъ выяснить, почему однѣхъ климатическихъ особенностей, присущихъ различнымъ уголкамъ Соединеннаго королевства, недостаточно для объясненія такого ихъ распространенія и сродства съ названными странами. Онъ покажетъ, что испанскія формы суть отголоски отдаленной третичной флоры, уцѣлѣвшей въ пунктахъ, пощаженныхъ ледниками, и растущей тамъ доселѣ, благодаря ихъ влажности. Скандинавскій типъ окажется ледниковымъ, уступающимъ германскому современному, по мѣрѣ таянія ледниковъ, и пестрый цвѣтистый коверъ современной флоры явится нерукотворною лѣтописью пережитыхъ страной событій, краснорѣчивою и поэтичною. И ясно тогда станетъ, почему эти тысячи видовъ—представителей южной Европы, Америки, Японіи и Австраліи, введенные рукою опытнаго акклиматизатора,—нашли на островѣ второе отечество, и почему благовонный листъ классическаго лавра или зелень ливанскаго кедра переплетаются здѣсь съ хвоей сосны, а на коврѣ изъ травъ суроваго сѣвера высятся италіанскія пинии.

и питтоспоруны. Бѣдность фауны острововъ, лишенной почти эндемичныхъ видовъ, почти тождественной съ европейскою континентальною, но менѣе богатой, получить особый интересъ. Это прогрессивное убываніе рептилій съ болѣе крупныхъ острововъ на болѣе мелкіе западные будетъ свидѣтельствовать о когда-то бывшей, но слишкомъ рано порванной связи съ материкомъ. Это присутствіе полярныхъ видовъ въ пучинахъ будетъ говорить о слѣдахъ ледниковаго періода, а оригинальность формъ Ирландскаго моря—о его изоляціи.

Наконецъ, вмѣсто перечисленія племенъ и религій, современный географъ долженъ показать своимъ слушателямъ сперва географическое распредѣленіе типовъ, установленныхъ антропологами; показать связь современныхъ типовъ съ типами историческими и доисторическими, установленными по курганамъ и могиламъ, изъ чего съ ясностью выступить, что во всей западной части королевства еще господствуетъ тотъ же типъ, который имѣли люди каменнаго вѣка, но рѣзко отличный отъ свидѣтелей обледенѣнія Шотландіи—палеолитическихъ, эскимосоподобныхъ народовъ. На географѣ лежитъ обязанность выяснить причины, почему именно здѣсь, несмотря на все смѣшеніе, удержался этотъ типъ, почему кельты, строители дольменовъ, внесшіе употребленіе бронзы, не изгнали его, а растворились вмѣстѣ съ римлянами въ его массѣ, и какія географическія причины позволили позднѣйшимъ пришлецамъ, саксамъ и норманнамъ, не только утвердить свое владычество, но и обусловить громадное преобладаніе въ восточной части королевства той высокой рыжеволосой расы, которая всегда рисуется въ умѣ при представленіи о туристѣ-англичанинѣ. Наконецъ, вопросъ о томъ, какую печать отложила вся эта совокупность факторовъ на культурѣ страны, принадлежитъ также къ числу вопросовъ землевѣдѣнія.

Вы видите, мм. гг., что программа такого рода землевѣдѣнія рѣзко отличается отъ такъ-называемой физической или динамической геологіи, которая занимается исключительно изученіемъ отдѣльныхъ силъ, дѣйствующихъ на земной поверхности, измѣняющихъ ее, и изучаетъ ихъ исключительно въ примѣненіи къ геологіи, то-есть, для объясненія событій давно прошедшихъ. Это также и не физическая географія, то-есть, ученіе о распредѣленіи этихъ силъ по земной поверхности. Это, напротивъ, философская наука, пытающаяся на основаніи выводовъ естественныхъ наукъ объяснить и указать особенности той обстановки, въ которой принуждено жить современное человѣчество, подобно тому, какъ наука о человѣкѣ стремится узнать особенности

організації чело́вічого організму і закони, управляючі його життям. Съ другої сторони, приведенного примѣра програми землєвѣдѣнія Великобританіи совершенно достаточно, чтобы показать, что при преподаваніи географіи сама необходимость заставляетъ начинать съ общаго и переходить къ частному.

Намъ приходилось намекать на то, что горы Англіи суть части древнихъ горъ залитой оконечности Евразіи, что онѣ были подъ ледянымъ покровомъ, одѣвавшимъ сѣверъ Европы, что ее попеременно заселяли флоры то скандинавскаго, то иберійскаго типа, что ея аборигены были астурійской расы; словомъ, для разумаго пониманія явленій, происходящихъ на этомъ маленькомъ архипелагѣ, намъ пришлось бы постоянно дѣлать экскурсіи изъ него въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя, приурочивая ихъ то къ тому, то къ другому типу широко распространенныхъ по земному шару явленій. Вотъ почему разумнѣе, на мой взглядъ, дать сперва общую картину развитія и распредѣленія различныхъ гео-физическихъ, гео-ботаническихъ и другихъ явленій, происходящихъ на земномъ шарѣ. Тогда задача частнаго землєвѣдѣнія будетъ несравненно проще. Она будетъ сводиться къ нахожденію роли того или другаго явленія данной страны въ общей жизни земнаго шара, подобно тому какъ для частной съемки, частнаго плана надо прежде узнать его мѣсто на большой общей картѣ.

Та общая широкая программа землєвѣдѣнія, которая мною начертана, роль частнаго землєвѣдѣнія, сейчасъ намѣченная, мнѣ кажется, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ отдѣловъ натурфилософіи. И конечно, между различными отдѣлами частнаго землєвѣдѣнія отдѣлъ познанія нашего отечества — землєвѣдѣніе Россіи — кажется мнѣ, долженъ занимать первое мѣсто. Мы, владѣя столь обширнымъ кускомъ вселенной, къ стыду своему должны сознаться, что до сихъ поръ не знаемъ ни своего отечества, ни роли его природы на материкѣ Евразіи. И отъ кого же, какъ не отъ университетски образованнаго чело́вѣка, можно требовать этого знанія? Вы, здѣсь сидящіе, вы, будущіе администраторы, земледѣльцы, воспитатели юношества, сколько политическихъ ошибокъ, сколько превратныхъ распоряженій сдѣлаете вы, не зная своей страны! Не отъ неполнаго ли ея знанія происходитъ это наше самопрезрѣніе и самопоруганіе? Не отъ не достаточной ли выясненности нашей роли на материкѣ стараго свѣта мы вотъ уже второй вѣкъ, на переко́рѣ стихіямъ, попираемъ и презираемъ свое, стремясь копировать съ Европы возможное на ряду съ невозможнымъ! Мнѣ кажется,

лучшее знаніе своей страны искоренило бы въ обществѣ нашемъ многія ненормальности.

Общее землевѣдѣніе, въ объемѣ, нами начертанномъ, въ развитіи своемъ всецѣло зависить отъ развитія естественныхъ наукъ. Послѣднія далеко еще не сказали своего послѣдняго слова. Понятно, что его не могла сказать и географія. Многіе вопросы ея могутъ пока быть еще только намѣчены. На мѣсто желательныхъ истинъ приходится во многомъ ограничиваться еще смѣлыми гипотезами. Но такова судьба всякой молодой, зарождающейся науки. Мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что мы видимъ громадный сырой матеріалъ, подготовленный натуралистами. Кирпичи готовы, они ждутъ строителя — и, говоря словами Христа, я могу сказать вамъ: воззрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли; не настало ли время для жатвы?

Въ заключеніе этого вступительнаго слова своего я укажу еще на одну сторону нашей новой науки. Всѣ естественныя науки, здѣсь читающіяся, зародились и создались на западѣ. Мы являемся преемниками и учениками западо-европейскихъ ученыхъ. Слова нѣтъ, русская наука на своемъ молодомъ и славномъ поприщѣ сдѣлала весьма многое и обратила на себя всеобщее вниманіе въ европейскомъ ученомъ мірѣ, гдѣ она заняла почетное мѣсто. Но право первородства принадлежитъ не ей. Научное землевѣдѣніе первое возникаетъ у насъ одновременно съ западомъ. Наука эта, широкая по своему плану, требующая какъ широкихъ обобщеній, такъ и умѣнія всею душою понять чуждую природу, чуждый характеръ и привычки, по духу своему, болѣе чѣмъ какая бы то ни было, соответствуетъ намъ, русскимъ, которые, какъ показала наша исторія, наша цивилизація, наша беллетристика, болѣе чѣмъ какой другой народъ, обладаютъ указанными свойствами. А потому будемъ надѣяться, что, развившись у насъ, она станетъ дѣйствительно наукою русскою по преимуществу.